

16+

Россия, лихие годы: рейдерский захват

Дмитрий Таганов

Дмитрий Таганов

**Россия, лихие годы:
рейдерский захват**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Таганов Д. Н.

Россия, лихие годы: рейдерский захват / Д. Н. Таганов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

В лихие 90-е годы к частному детективу обращается директор завода: похитили его внучку, - очевидно, преступники, захватывающие завод, рейдеры. Через день директор убит. Его завещание не могут найти, а без него завод будет безнадежно потерян. При силовом захвате завода рейдерами, в суматохе зарезан еще человек из руководства. При вскрытии домашнего сейфа директора с целью найти его завещание происходит скандал между наследниками и новое убийство. Между наследницей, молодой вдовой директора, и частным детективом завязывается роман. Детектив Ник Соколов в сложной и опасной борьбе находит серийного убийцу, но тот бежит, захватив заложницу...

Содержание

1. Клиент	5
2. Завод	8
3. МегаФинанс	13
4. Золотая молодежь	17
5. Собрание	22
6. Клуб «Дубль»	26
7. Освобождение.	30
8. Убийство	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Таганов

Россия, лихие годы: рейдерский захват

1. Клиент

Первые встречи с новыми клиентами я назначал только на нейтральной, что называется, территории, в удобном для меня месте, и все предлагаемые клиентом варианты всегда отклонял. В прошедшем времени – потому, что я теперь полицейский, а не вольный частный сыщик, каким был в последние годы. Но и полицейский я тоже не вполне. Наполовину милиционер, потому что даже вывески на отделениях пока не сменили, – не успели. И словечку «мент» в народе не придумали подходящую замену. Да и всех нас вывели пока «за штат», на проверку на «вшивость», то бишь на взяточничество и связь с криминалом. Кто заслужил честное имя, – того возьмут. А про кого сомневаются – тот свободен. Я не стал дергаться, а просто оформил очередной отпуск. Вернусь через месяц, – все за меня решится само собой. А пока я в отпуске, и «за штатом», то – вольная птица. Словом, я – новый русский полицейский.

Он позвонил мне два часа назад. Я собирал вещи в дорогу, намереваясь выехать на своем мотоцикле из жаркого и пыльного города в середине дня и заночевать где-нибудь по пути. Август, любимый месяц года, – и я думал только о грибах и о рыбе в чистых прохладных озерах. Поэтому телефонные звонки были сейчас совсем некстати. Я был давно полицейским, но мне продолжали звонить: и старые клиенты, и незнакомые, по цепочке рекомендаций. Всем им было плохо, всем им что-то от меня было нужно.

В телефонной трубке звучал голос человека немолодого, солидного, привыкшего к почтению и вниманию, но более всего – к власти. После вводных и ничего не значащих слов, мужчина готов был высказать свою просьбу, но вдруг стал мяться. То ли он боялся сказать об этом по телефону, то ли почувствовал, что его проблемы мне не ко времени. Но только вдруг он замолк, и почти на полминуты. Я подождал, послушал его сопенье, наконец, услышал:

– У меня пропала внучка. Уже с неделю. Вы можете?

Настала моя очередь помолчать. Это была скорбная просьба, – и по моему опыту, и по статистике, – очень скорбная: ведь неделя прошла.

– Сколько ей лет?

– Семнадцать, в июне школу окончила.

– В полицию обращались?

– Сразу. Никакого результата.

– Хорошо, давайте встретимся.– Я назвал ему время, адрес уличного кафе и свои приметы.

С досадой я положил телефонную трубку. Можно было распаковываться. Но отказать я не мог. Я был в отпуске и вольная птица, – но все-таки полицейский. Тем более, на службе я занимаюсь экономическими преступлениями, а это – работа с бумагами, компьютерными сетями, дисками и прочими немymi свидетелями преступлений, – и по живой оперативной работе я скучаю. Несколько дней из месячного отпуска ничего не меняли. И еще, – мне нужны были деньги: я собирал на новый мотоцикл. Тогда я не мог предположить, что дело окажется много серьезнее, отпуск пропадет, и через пару недель более половины людей, с кем мне придется работать, будут убиты, и почти всегда я стану этому свидетель.

В кафе я сел на открытой террасе. Из кармана я вынул блокнот и положил на столик. В заднюю обложку блокнота был встроен цифровой диктофон. Почти все встречи, особенно первые, я записываю – чтобы потом сопоставить детали, и как своего рода документ, поясняющий для третьих лиц мои отношения с клиентом. Будущие события непредсказуемы, и бывали

случаи, когда только эти записи и могли, в глазах правоохранительных органов, отделить меня от проходящих по этому делу преступников.

Я имел в Москве репутацию специалиста по корпоративным конфликтам. В основном, это незаконный захват предприятий, свары между владельцами, кражи акций со счетов – грязь страшная, но очень дорогостоящая: замешаны десятки, а то и сотни миллионов долларов. Поэтому все это сопровождается любой, вплоть до самой черной, уголовщиной. Полицию все избегают до последней возможности, – рыльце у них в пушку почти у каждого. На службе я занимаюсь почти тем же, зато имею куда больше прав.

Он приехал на дорогом Мерседесе, с шофером в форменной фуражке и с мрачным охранником на переднем сидении. Грузно выбрался из машины, и на ходу оглядывая немудрящее заведение, направился к террасе.

Он не протянул руки, только кивнул, слегка улыбнулся, и, присев, начал разглядывать и терзать в пальцах салфетку.

– Фотографии принесли?

Он достал из пиджака конверт и протянул мне. На фото, снятых у моря, – хорошенькая девушка в купальнике, вокруг радость, солнце, счастье. Одно фото для паспорта, – серьезная маленькая блондинка. И фото с выпускного школьного бала – здесь она счастливая среди друзей, в роскошном бальном платье, с алой лентой через грудь.

– Рассказывайте.

– Она не вернулась домой в субботу.... Вечером ушла и все. Сегодня четверг, вот почти неделя. Сначала думали, ну знаете... все молодые. Ну, а в воскресенье к вечеру обратились в полицию. Но для них она – пропавшая без вести.

– Вы думаете иначе? Похищение? Кто-нибудь выходил на контакт?

– Нет. – Он вытер платком лоб и высокою затылочку.

– Друзей опрашивали?

– Всех, кого знал, и полиция тоже.

– Парень? С ним говорили?

– Парень? Нас не было весь июль, а в июне ее привез с выпускного бала такой... постарше нее, черненький.

– Родители? Должны бы знать парня.

– Ничего они не знают, давно все развелись и разъехались, – он устало потер ладонью глаза. – Она живет со мной, очень давно.

– Бабушка должна знать.

– Ее бабушка умерла три года назад.

Подошла официантка, он заказал себе пиво.

– вспомните что-нибудь необычное за последние недели. Новые знакомые, звонки, угрозы, ссоры

– Вы думаете, она с нами делится? Взрослая девица.

– Она делится с подругами. У девушки должна быть лучшая подруга.

– Да, Галочка, она живет в соседнем коттедже. Говорили мы с ней, никакого толку.

– О парне спрашивали?

– Знает одного, – из клуба, местная молодежь там тусуется. Позвонили – не видал он ее давно. Парень это или не парень... черт их разберет.

Он жадно пил пиво, и я разглядывал его. Редкие волосы, мясистый нос с мелкими красными сосудами, обвисшая кожа на шее. Светлый летний костюм скрадывал выпирающий шар живота.

– Большие деньги часто создают проблемы. Угрозы, вымогательство и прочее. Похоже? – осторожно спросил я.

Вместо ответа он поднял к лицу ладонь и стал массировать глаза. Потом посмотрел на часы.

– У меня через полчаса совещание на заводе, надо ехать. А угрожают мне уже полгода, я к этому привык.

– С этого надо было начинать.

– Пишут, пугают и грозят смертью, – обычный букет.

– Письма, или что там, – у вас?

– Есть копии, на заводе.

– Я должен их видеть.

– Через час. После совещания. Хотите – поедem вместе.

– Я на мотоцикле.

Он назвал адрес завода, и я вспомнил. Это было недалеко, на юге Москвы – пыльный громыхающий завод бетонных и керамических изделий за длинным и унылым забором вдоль новых кварталов.

2. Завод

Проходная завода живо напомнила мне советские времена. Старые обтертые турникеты, скучающая вахтерша за стеклом, – отбирает утром пропуска и, как коршун, следит, чтобы никто не ушел раньше положенного. Здесь же бюро пропусков с внутренним телефоном, надтреснутым и засаленным. Окошко закрыто, но с запиской, по-современному: "Технический перерыв". Современным штрихом были охранники за турникетами – крепкие ребята в молодежной форме.

Ощущалась какая-то напряженность. Перед турникетами толкались мужчина и две женщины, которых не пускали, тона были повышены, резко звучали склочные нотки. Я постучал по фанере закрытого окошка бюро пропусков, нетерпеливо и громко. Ничто так не выводит меня из равновесия, как чужой скандал.

- Дай пройти! Я тридцать лет тут работал!
- Куда лезешь! Выпил мало?
- Не имеешь право... Убери руки, падаль! Мы акционеры!
- Слушай, ты меня достал уже! Я тебя сейчас...

В тоске я отвернулся к заколотой сплошь бумагами доске объявлений. Требования санчасти по медосмотру и об одежде для детей в летнем лагере, призывы соблюдать технику безопасности, листовка пожарных... Но самое интересное оказалось не на доске, а рядом на стене, и самое крупное по формату. Это было объявление дирекции о созыве внеочередного собрания акционеров завода. Повестка дня: о продаже контрольного пакета акций предприятия. Крики вокруг турникета сразу обрели для меня некоторый смысл.

– Почему не отвечают на наше заявление! Предъявите нам протокол! – визгливо кричала худая женщина испитого вида. Мужчина тоже был явно не трезв.

- Ворье! Захапали наше!
- Лично пусть тогда нам ответят, и протокол предъявят майский.

– Отойди по-хорошему, последний раз предупреждаю. – Дюжий охранник уже с трудом сдерживался, дубинка так и играла у него в руке. – Акционеры нашлись! Партнеры, вонючие. Халявщики вы, а не партнеры. Вот уж точно! Отвали отсюда, пока цел, – ей-ей, в последний раз...

- Акционеры, имеем право!

– В субботу собрание, – видал плакат? Тогда и приходи права качать, если тебя и оттуда не выкинут, пьянь.

- Ишь, в субботу! Ты нам до субботы протокол майский покажи! А ну, пусти!

Мужчина начал исступленно, с кляцаньем трясти старый скрипучий турникет, и тогда охранник не выдержал, рванул навстречу, замахиваясь дубинкой. Он саданул тому дубинкой по плечу, второй раз по голове, – мужчина отпрянул назад, закрываясь руками. Но охранника было уже не остановить, его понесло: он перемахнул через турникет, и проходную пронзил визг обеих женщин. Мужчина, спасаясь, побежал назад, но охранник молотил его дубинкой сзади – по спине, плечам, голове. Наконец, пьяненький мужичек повалился на пол, под окошко бюро пропусков, но охранник и тут нанес ему, уже лежащему, удар, задев локтем, – и очень чувствительно, – даже меня.

- Стой, ты что творишь! – не выдержал я. – Прекрати!

Но тот, будто не слышал, находясь в исступлении, и с искаженным лицом замахивался снова.

Я ударил ему кулаком в правый бок, не сильно, но тяжело, а вешу я под сто, при росте сто девяносто четыре. Это должно было его остудить. Но тот только хрипло выдохнул, перебив дыхание, и стал медленно разворачиваться ко мне, замахиваясь на меня дубинкой. Тогда я той

же правой засадил ему и в челюсть, под скулу. Это вырубило его сразу, как боксера в нокауте. Он дернул головой вверх, сдал тушей назад и рухнул на пол, задев с грохотом фанерную будку вахтерши.

Высочивший из-за турникета второй охранник, тоже с дубинкой на изготовке, как-то замешкал, на бегу оценивая ситуацию и волком оглядывая меня. Я приготовился, но тот позыркал глазами – на меня, на лежащего товарища, – и ни на что не решился. Наконец, благоразумно начал помогать другу, – стал приводить его в чувства, потом поволок на стул. Окошко бюро пропусков распахнулось, из него высунулось, чтобы посмотреть на скандал, испуганное лицо, и я протянул свой паспорт. Вахтерша пропустила меня без звука, охранники тоже были заняты, и только турникет жалобно скрипнул.

Через пыльный двор по аллейке с засохшими деревьями я прошел в четырехэтажное заводоуправление. Множество вывесок с названиями мелких коммерческих фирм намекали о хорошем наваре от аренды этих старых советских площадей. Два нижних этажа бурлили мелким бизнесом. На третьем сонном этаже, перед дирекцией – пост с охранником, проверка пропуска. На самой широкой и красивой двери в коридоре табличка: "Генеральный директор Софронов Иван Петрович". За дверью молоденькая секретарша оторвалась от книжки на розовых коленках и подняла на меня глаза.

– Иван Петрович проводит совещание, он занят.

– Я подожду.

– Вам чай, кофе? – это был дежурный вопрос, с ожиданием обычного отказа. Но мне было жарко, побаливала правая кисть, и я терял время.

– Стакан воды, пожалуйста, и холодной.

У секретарши слегка расширились глаза от моей наглости.

– Боюсь, только теплая, из чайника. Хотите?

– Нет.

Я не присел в кресло, а прошелся по просторной приемной. В углу было организовано что-то вроде выставки продукции завода. Скучная бурая облицовочная плитка, мутные стеклянные блоки, какими пятьдесят лет выкладывают стены в заводских душевых и совхозных коровниках. Смотреть на все это было противно – будто попал на двадцать лет назад, и вот-вот из-за глухих дверей выйдут со своего партсобрания «товарищи»...

«Товарищи» вышли только минут через двадцать. Какие-то очень уставшие, с озабоченными лицами, обтирая платками лбы и шеи. Раньше, пожалуй, «товарищи» выходили со скучных партсобраний много веселей. Из-за двойных дверей с тамбуром вышло сначала пятеро, и вслед за ними, с мрачным видом провожая гостей, знакомый мне генеральный директор. Пахнуло табачным застоялым дымом и жаром засидевшихся тел. В просторной приемной стало тесно. Все шестеро, выговорившись за два часа, теперь только молча пожимали руки или прохладно кивали друг другу. Только один, пожилой и широкий в плечах, прощаясь с генеральным, прокряхтел:

– Эх-хе-хе, Ваня... – Тот в ответ только цокнул языком.

Наконец, они разошлись, но генеральный, скользнув по мне усталым взором, как будто не узнал меня. Пришлось сделать несколько шагов навстречу, и тот, заметив это, испуганно слегка отпрянул. «Нервишки, однако» – подумал я.

– Вы освободились, Иван Петрович?

– Ах-да, да... я забыл. Галочка, я закончу с товарищем и приму душ. Никого ко мне не пускай. Меня нет.

– Иван Петрович, вам после душа чай или?...

– "Или", и холодненького. Проходите.

Не кабинет это был, а зал. В те времена, когда строили завод, на начальственной важности не сэкономили. В широкий тяжелый стол упирался узкий и длинный стол для совещаний,

персон на двадцать. Темно-красная плюшевая скатерть на нем была в складках, пепельница полна окурков. Я присел.

– Вот такие-то делишки... – директор похлопал по карманам пиджака, вынул связку ключей и склонился над сейфом, спиной ко мне. Сейф был старый, советский, окрашенный красно-бурой краской, похожей на ту, которой красят в деревнях полы. Он поискал в нем среди папок, вынул конверт и повернулся ко мне, оставив сейф распахнутым.

– Любуйтесь.

На ксерокопиях было по несколько всего строчек. Темные полосы повторяли линии сгибов: значит, оригиналы были сложены вчетверо и приходили в почтовых конвертах.

– Конверты у вас?

– У следователя. Но... один остался, который последний.

Текст был напечатан на лазерном принтере, стандартным шрифтом. Технические особенностей, значит, быть не могло, с лупой разглядывать нечего. Как когда-то на листах из пишущих машинок, – в тех у каждой была своя индивидуальность.

– И еще... – хозяин кабинета вытянул вперед указательный палец, – хотя, конечно, вы понимаете. Это строго конфиденциально... содержание, я имею в виду

Я пробежал строчки глазами, отмечая единый стиль исполнения, информированность об адресате, образованность и литературное дарование автора. "Скоро ты умрешь", "Завещание пиши, недолго осталось", "Не почувствуешь, не заметишь ее, костлявую, – чисто сделаем", "Много пьешь, – это правильно, умрешь легче", "Украл ты много. Не мучает? Скоро, скоро", "На счетчике ты уже, тик-так, тик-так", "Всех обокрал, никого не оставил? Ты эти акции с собой в могилу или в печь крематория?", "Ай-ай, а протокол-то того", "Сей год не переживешь", "Письмеца больше не жди, тик-так, тик-так", "Оплатили мы твой заказ, недорого киллер взял за тебя, скоро-скоро", "А это уже самое последнее".

– Показывали кому-нибудь, кроме следователя?

– Нет.

– Покажите конверт.

Адрес на конверте был отпечатан на принтере, строчки смещены. Московские почтовые штампы. Настораживающее: "Генеральному директору. Лично в руки".

– Полгода нервы мочалят. Говорю, привык к этому, каждое утро письмецо или весточку жду. Или пули.

– Прессуют вас, Иван Петрович. Что хотят?

– Да что они все от нас хотят! Деньги хотят! Деньги, деньги, будь они прокляты!

– Только хотят каждый раз по-новому. Расскажите, – без этого я не возьмусь.

– Завод им мой нужен! Весь завод. Рейдерам этим... – и он грязно выматерился.

– Вы что, их уже знаете?

– Знаю – не знаю, а вижу, как наезжают. Уже полгода...

– Письмеца – их? Не приходило в голову?

– Не дурак, слава богу.

– Полиции о наезде рейдера сообщили?

– Нет, не говорил о наезде, не сообщают они в этом, – потому что законов нет толковых!

А те отопрут, не докажешь ничего, и только хуже будет!

Я оторвался от бумаг и посмотрел на него: богатый, усталый и несчастный. Я много таких повидал, и всегда они похожи были друг на друга в такие минуты. Лучи позднего солнца падали на стол, на распахнутый сейф, и в нем, в сумерках верхней полки, ослепительной точкой блестел никелированный металл.

– Не носите с собой? – я кивнул на блестящий металл в сейфе.

– А что толку! Только пиджак промаслишь. С перепугу купил, оформил разрешение. Потаскал с собой в кармане неделю. Как дурак.

– Красиво блестит. Барабанный?

– Смит-Вессон, на шесть трупов. – Он обернулся, вынул из сейфа блестку и протянул мне.

Игрушка, с коротким бульдожьим стволом легла в мою ладонь, как будто родилась для нее, ладно и туго. Это была классика детективных романов, калибр .38 Special, никелированный. С сожалением я вернул эту прелесть хозяйину.

– А у вас? Есть что-нибудь?

– Предпочитаю холодное, – я не стал ему говорить, что у меня на службе тоже кое-что есть, а я – полицейский, – замкнется ведь, робеют перед нами. – Так вы знаете, кто вам угрожает?

– Ну, не сам он, конечно... а может и сам. Да ничего не поделывать! Такой нам тут капитализм устроили! Ни законов, ни полиции, никому верить нельзя, все продажны, сам отстреливайся, если сумеешь...

– Вы и здороваетесь с ним при встрече?

– Бывает... Что же, мне пристрелить его из этого револьвера?

– Хорошо это, если здороваетесь.

– Лучше некуда. Для кого хорошо?

– Для внучки вашей хорошо, жива, значит. Не маньяк ее задушил. А, быть может, в гостях у хорошего знакомого.

– Дерьмо, а не знакомый! Ладно, хорош меня травить. Мне наплевать уже на все, знакомый – не знакомый, завод – не завод... Плевать на деньги, внучку отдай!

– Имя знакомого назовете?

– Я и полиции не говорил... Никаких доказательств, домыслы одни мои. Кто его знает, что он еще выкинет. Что вы хотите делать?

– Это мои дела. Ищем внучку или нет?

– Ищем, ищем... Записывайте. Фирма есть такая, "МегаФинанс", финансовая компания. Скупила за полгода у наших рабочих акции. Но только вы, как у врачей, – не навредите.

– Раз уж медицинским языком, – я не терапевт, а хирург, и вы ко мне за операцией обратились. А это больно. Вам решать.

– Осторожнее вы с ним, осторожнее!

– Я видал объявление в проходной: собрание скоро, то да се. Продаете завод?

– А что прикажете делать!

– Значит, кранты, – дожал он вас? Молодец.

– Стар я стал для вашего дикого капитализма. Покоя хочу. Пропадай все пропадом. Он акций у наших работяг столько скупил, что все права теперь имеет.

– Дело хозяйское. Телефоны мне свои запишите. И следователя, который дело ведет.

– Шаров, имя-отчество не помню. Все дела у него – и с письмами этими, и с Таней. Расследует потихоньку... Не торопится. Только он вам не поможет.

– Не жду.

– Слушайте, может и не надо, на самотек пустим? Ведь в залог ее взяли, ясно это. Если на следующей неделе мы все с ним подпишем и оформим... то отпустит, – на что она ему?

– А если не отпустит? Чтобы не рассказывала, кто и где держал.

Он обходил вокруг стола чтобы прощаться со мной и по пути толкнул ладонью узкую дверь, – туда ему хотелось больше всего, – в комнату отдыха, с душем и холодным пивом. Такие удобства строились при директорских кабинетах не только на заводах с горячими цехами, но и на пыльных цементных, железобетонных, – это было особым советским шиком.

Рука генерального была холодной и потной, в глазах не было ни силы, ни директорской твердости. Да и директором ему оставалось быть недолго. С утра сегодня был четверг, а уже в

ближайший вторник я снова увижу его за этим широким столом, но с перерезанным горлом, и кровь будет хлестать ему на белую рубашку.

В проходной уже стояли другие охранники, но в таких же молодецких формах, – похоже, теперь их много было на этом заводе. Я поглядывал на них, ожидая подвоха и продолжения инцидента. Но нет, прошел без проблем. Благоразумно они сообразили, что не в их интересах раздувать. Но эти новые были наслышаны о скандале и поджидали меня, чтоб самим оценить героя. Когда я проходил мимо, они откровенно рассматривали меня и прикидывали с усмешкой мои силы и возможности, – мол, погоди, еще померяемся.

Свой мотоцикл я нашел там, где и оставил – под бетонным заводским забором, с замком и каленой цепью, протетой за выступающую петлю арматуры. Я уж было закинул ногу над седлом, но от палатки «пиво-воды» при автобусной остановке отделился мужчина с пивной банкой в руке и поприветствовал меня, подняв ее над головой. Я опустил ногу обратно на асфальт. Это был тот самый битый охранником выпивоха. Я кивнул ему, снял шлем и подошел ближе.

– Ну, аклимался, орел?

– Не смертельно, заживет. – На полщеки у него чернел синяк, красно-синяя полоса уходила с шеи под рубашку. – Ну, я им дам в субботу на собрании, ответят за все. Ворье!

– Что взелся? Уволили?

– Да... выкинули, с месяц как. На кой я им. Ну и они мне, взаимно. Но эти акции, сколько ни есть – все мои, продать им – шиш. Я тридцать лет тут пахал! Что мое, то мое. Как ты его, однако! Бац – и он лег прям рядом, меня аж ветром обдало. Готов... Ну, ты дал! Боксер, что ли?

– Был.

– Мастер небось?

– Он. Что у вас в субботу?

– Собрание акционеров. Внеочередное. Торопятся.

– Что за спешка?

– А то, что хапнули в мае-месяце, и теперь продать хотят.

– Что хапнули?

– Завод наш хапнули. Еще акций навывускали, и себе же по дешевке продали. Ворье, я ж говорю. Наши-то акции, первого еще выпуска, вдвое подешевели оттого. Как с дурачками с нами. Теперь у них у каждого по контрольному пакету. Хозяева. А ты мне протокол собрания того майского покажи! Чьи там подписи стоят, а? Нет, молчок, только дубинкой. То ж курица левой лапой протокол подписала. Фальшак! За дураков нас...

– Кто покупает?

– А хрен его знает. Разве нам докладывают! Да что им, кирпичи наши нужны? Ради бога, не смей меня. Земля им эта нужна, ее они хотят. Знаешь, почему она здесь, столичная? То-то. Да они выкинут всех наших работяг на следующее утро. Они зачем сюда комиссии каждый день водят с проверками? Чтоб закрыть эту лавочку. И жителей местных натравили – маршировали они тут все, махали своими плакатами да красными флагами, кричали чего-то. Пыльно им стало. Что, раньше тридцать лет не пылили и не душили? Тогда не замечали, а тут вдруг плохо стало. Сейчас тут вообще пыли нет, завод стоит, как на ладан дышит. За дураков-то нас не держите!

Мужик уже сильно качался, – тяжкая доля у нашего акционера. Я протянул ему на прощание ладонь, он схватил ее и сжал обеими руками.

– А ты – молоток. Как ему врезал! Спасибо тебе, ей богу. Я как в кино на это смотрел, снизу-то...

3. МегаФинанс

Утром я сел за компьютер. «МегаФинанс», финансовая компания, в Интернете она имела свой сайт. Любые финансовые услуги, все, что душа пожелает: выпуск или скупка акций, объединение предприятий – читай, и их захват, – биржевые и валютные операции. Разумеется, все законно. О стоимости услуг не упоминалось. Фамилии и имена также были излишни. Но номер телефона – пожалуйста.

Я набрал его. Вышколенный молоденький женский голос: "Компания МегаФинанс, доброе утро, чем можем быть вам полезны?"

– У меня проблема, но не для телефона. Когда я могу подъехать? Мне нужно высшее руководство.

– Вы представитесь?

– Пока нет.

– Вы можете назвать суть дела?

– Большой завод. Большие деньги. Вам это достаточно?

– Минуточку, – но ждал я несколько секунд, и опять приятный голосок: – Борис Михайлович может вас выслушать в два тридцать. Вам удобно?

– Вполне.

Снаружи офис был свеженький, с иголки, – трехэтажный особнячок нежного сиреневого цвета. Но подступившие сбоку от пятиэтажки жестяные гаражи-тенты портили вид, заметно снижая задуманный первоначально высокий класс. Около них я и поставил свой мотоцикл.

На входе два охранника в форме. Оба – как быки. Один за столом, со списком, – и я ему протянул свое водительское удостоверение. Второй чуть поодаль – стоит в классической позе полицейского – руки скрещены на груди, ноги расставлены, гордый взгляд. Поразила меня их униформа – копия летней формы нью-йоркского полицейского. Все до мелочей: темно-синий индиго, покрой, ремни, открытая кобура с торчащей рукояткой пистолета, и даже над левым нагрудным карманом каждого – крупная белая звезда шерифа. Я сразу почувствовал себя, как в Голливуде.

Гостей в этой фирме одних не оставляли. Меня сопровождал второй из ньюйоркцев. Перед закрытой электронным замком стеклянной дверью – взмах магнитной карточки, – и она беззвучно распаивается. Под ногами ковры, над головой повсюду видео-глазки наблюдения, кондиционированная прохлада и тишина – именно такие условия любят большие деньги.

Но я до сих пор ничего не смог придумать для первых слов, – что-нибудь да подвернется на язык.

За дверью секретарша. Скользнула глазами по моему мотоциклетному пропыленному облачению, но ни малейшей удивленной реакции. Сопровождающий ньюйоркец отошел от меня к свободному креслу и присел.

– Директор ждет вас, – пропела секретарша.

Директор оторвался от своих бумаг на столе, когда я уже сделал несколько шагов от двери. Без улыбки он указал рукой на кресло и остановил на мне глаза.

– Слушаю вас, господин Соколов. – Можно было только подивиться, как у них поставлено дело: они узнавали имя каждого, кому назначали встречу.

Я присел, вынул из кармана книжку с врезанным диктофоном и небрежно положил ее на стол. Тот настороженно на нее покосился.

– Я у вас по чужому личному делу. Мне поручили одну работу, и она привела меня к вам.

Я окинул глазами кабинет. Все дорого, классно, изумительный дизайн – стекло, полированная сталь, и в контрасте с этим – антикварная тибетская бронза. Я намеренно тянул, и он, ощутив замедление своего нервного ритма, порывисто взглянул на часы.

– Почему вы решили, что мы можем вам помочь? – Я почувствовал, что начал раздражать его. Тонкий его нюх никаких серьезных денег за мной не ощутил. Он только терял со мной свое драгоценное время.

– Я выполняю работу для господина Софронова, вы с ним знакомы.

Он медленно откинулся в назад кресле и закинул обе руки за затылок. На лице впервые появилась легкая улыбка и интерес.

– Ах, вот оно что...

– Откровенно говоря, я пришел не говорить, а выслушать вас.

– Забавно. Мне он о вас не упоминал... Мы с ним обо всем договорились. Или нет? Что-то еще осталось? Не понимаю! – возбуждаясь, он загибал нотки своего голоса вверх, заканчивая почти фальцетом.

– Вы очень на него давите. Отпустите слегка.

– Вы что, новый переговорщик? Свой иск мы заберем из суда, когда увидим подписи на договоре. Вы в теме?

– Не в деталях.

– Чем быстрее мы с ним договор подпишем – легче будет затормозить. Уголовное дело – это серьезное дело. Затянет – посадят. В тюрьму посадят. Его, лично! Я ему все объяснил!

Об уголовном деле я не был наслышан от Софронова. Но это было обычным сопровождающим ходом, – липовое уголовное дело, открытое купленными ментами для пушного напряжения, – авось нервишки не выдержат. Передо мной сидел типичный хищник, агрессор. Рейдер за чужим добром. Плохой персонаж. Хотя, пожалуй, все в природе нужно, как и волки – санитары леса, и щуки в озере, чтоб караси не дремали. Так было и в мутных водах нашего дикого капитализма. В его заводях было полно жирных, заворовавшихся красных директоров, не умеющих работать в рынке, разваливших и разворовавших налаженное при коммунистах дело, – в недавнем прошлом самих коммунистов-ленинцев, а теперь откровенных хапуг. Но только что за манеры, господи волки!

– Вы, может быть, возьмете деньгами? – Я начал импровизировать. Во мне тот видел и слышал кого-то другого. Меня это вполне устраивало: где-нибудь он да приоткроется.

– Таких денег, какие мне нужны, у Софронова нет. И никогда уже не будет. Проворовался он со своими, с позволения сказать, менеджерами, – так теперь сядет. Не хочешь сидеть? Тогда отдай. Не ты завод строил, не твой отец, и не дед. Ты у родной страны оттягал его втихую, а теперь еще у акционеров воруешь. Попался на аренде – так не плачь. Печатай договор и подписывай, пока я согласен. Слушайте, зря мы месяц битый толковали, время теряли? Завтра же собрание!

– Вы свое заявление заберите сегодня. До собрания. – Меня несло куда-то, но он сам мне выкладывал панораму поля «боя».

– Э нет, дружок. Пока рыбка в воде – крючок в губе. Завтра с работягами вашими разберемся, во вторник подпишем, по бокалу выпьем, – вот тогда.

– Слишком давите. Нехорошо это.

– Столько, сколько требуется. Все в его руках, я ему полгода объясняю и тороплю: живее, живее!

– Внучку его отдайте.

– Кого? Не понял. О ком вы? – Что-то я заметил в его скосивших на миг глазах, Точно, было, – или мне показалось? – Да кто вы такой!

Нет, не показалось. Собственно, я для этого только сюда и приехал, – любой бы знак мне сгодился, любая зацепка, – только бы почувствовать, где искать эту внучку. Миллионы и

заводы меня не интересовали, я обещал искать только девчонку. Мимо миллионов я прохожу совершенно спокойно, в нашей стране бедняков они часто приносят горе, а иногда и гибель их владельцу. А несвободу и страх – всегда.

– Я уже сказал, – частное лицо.

– Ах, вот что! Детектив... Интересная профессия, впервые встречаю. И вы у меня его внучку ищете?

– У вас.

– За такой базар, знаешь, как отвечают, – глаза и тон его менялись мгновенно, это был серьезный и очень крутой человек в своем мире.

– Угрозы оставьте для слабонервных с деньгами. По-хорошему девочку отдайте. – Я спокойно отследил, как его нервная рука опустилась под крышку стола и нажала сигнал тревоги.

– Убирайся! – На лице его читалось только глубокое презрение ко мне. За моей спиной щелкнула дверь. Тяжелые шаги по мягкому ковру остановились в метре от моей спины.

– Вы не нервничайте, – сказал очень спокойно я. – Но я вас убедительно прошу не давить так на моего клиента.

– Ты уберешься, шваль, отсюда?

Я встал из кресла.

– Лишение свободы человека – тяжкое преступление, Борис Михайлович, одумайтесь... – я не закончил фразы. Хозяин за столом кивнул, и сразу две руки, как тисками сдавили мне руки под заплечьями. Сопровождавший меня ньюйоркец дождался настоящей работы.

Здоровенные руки поволокли меня назад, я едва успел, чтобы не упасть, отставить ногу. На лице хозяина я видел расплывающуюся презрительную усмешку. Внезапно меня охватила обида, – я и сам уйду, не надо рук, что у тебя, Борис Михайлович, за манеры со всеми!

Я запомнил этого полицейского еще у входа – здоровенный, моего роста, но тяжелее и шире. Поэтому я знал, на какой высоте может быть его нос. Не потеряв еще окончательно равновесия, я резко ударил затылком назад, надеясь, он сам найдет его. Нашел, – мягкий, хрящеватый, – его нос влажно и упруго остановил мой затылок. Оттолкнувшись затылком, я восстановил равновесие. Тиски-руки на миг свались с моих плеч, и я развернулся. В полуметре от меня ньюйоркец жалким образом сжимал себе лицо, из-под пальцев текла на подбородок кровь. Я только подставил ему под пятку свою левую ногу, и легко толкнул ладонью в грудь. Он мягко упал, его голова подпрыгнула на мягком ковре, и кровь из носа веером окропила рубашку.

Я повернулся к хозяину, и он откатился от меня назад в своем кресле на шариках. На лице была не усмешка, а страх. Рука давила и давила под столом сигнал тревоги.

– Борис Михайлович, вы меня поняли? – я поднял со стола свой блокнот и положил в карман. За спиной опять щелкнула дверь. – Теперь вы думайте, но времени в обрез. Тем более – для девочки. Как вы это говорите, – живее, живее!

После этого я обернулся. В двух метрах, с дубинкой наготове, а с другой рукой на кобуре, стоял второй полицейский, незнакомый. В дверях маячил третий крутой мужик в летней рубашке, с помповым дробовиком в руках. Но без команды они ни на что не решались и ждали, поглядывая на хозяина.

– Я ухожу. Или вы хотите еще одну свалку? – Я обращался к хозяину кабинета за своей спиной. Ответа не услышал, и вдруг меня возмутило его хамство. Я с силой отпихнул спиной его изящный, но жиденький стол, тот заскользил по ковру, зазвенели опрокидывающиеся дорогие вещицы, и столешница с маху въехала в кресло хозяина. Рук-ног ему, похоже, не прищемило, иначе голос был бы выше:

– Пусть убирается! Пропустите его!

Я шагнул мимо размазывающего по лицу кровь охранника и подумал, что в Нью-Йорке за это с человеком в такой форме мне дали бы лет пять, без разговоров. Но этот был только

ряженный. От дверей нехотя отступил еще один, тоже с сине-розовыми тату на широких бицепсах, сильно курносый. Ствол его дробовика смотрел мне точно в живот.

Я сел на мотоцикл в отвратительном настроении. Завелся, поехал вперед без определенной цели. Увидел кафе на улице, остановился, заглушил мотор. Надо поесть, поразмыслить. За столиком включил диктофон, прослушал все с самого начала, от входа до выхода, почти с четверть часа. Понятным становилось почти все об этом так называемом корпоративном конфликте. Кроме главного – где внучка Таня?

Классический, азбучный, и неотразимый прием рейдеров. Состряпать уголовное дело на генерального, и с прикормленными ручными ментами – давить его и давить, пока не запросит пощады. Поводов найти – никогда не проблема: у этих красных директоров рыльце не только в пушку, оно в густых перьях. Этот Портной упомянул об аренде, значит, на ней он его и поймал. В заводоуправлении на двух этажах бизнес бурлит, еще наверняка есть что-то в самих цехах. Арендная плата по бумагам, как всегда, – копейки, остальное черным налом, генеральному и замам. За все годы – сумма со многими нулями. А это уже растрата, статья... до пяти лет, – если подзаяться, да хорошо раскрутить от имени обиженных, обворованных акционеров.

Классика, старая как наша «перестройка», и по-прежнему работает, как часы в умелых руках. Неоднократно проверено: не выдерживают у многих нервы, все эти воры очень скоро бегут сдаваться рейдеру, – мол, забирай все, только не сажай. Но зачем ему еще и внучка? Захват, похищение, удержание – работа для серьезных бандитов, а с ними свяжешься – можно не только испачкаться, а что похуже. Не бытовое ли, действительно? По тому, как мать с отцом о ней пекутся, да никто об ее парне ничего не знает, – беспризорная она девчонка. А ведь как это бывает у молодых в наши времена: любовь, секс, потом наркотики – дальше, кому как повезет.

4. Золотая молодежь

Вечером в пятницу я с ветерком прокатился по загородному шоссе. Когда несешься на мотоцикле и тебя чуть не сносит с седла ветродуй, – в голове остаются только хорошие мысли. Поэтому я приехал в коттеджный поселок, где живут Софроновы, свежим и радостным, все угрюмые мысли о недавней неудаче унесло ветром.

Еще было рано, солнце стояло высоко, и, заметив узкую тропку, уходящую от шоссе в лес, я свернул, отъехал метров на триста и встал на дивной полянке. Теперь надо было найти сухое дерево – потому что к живым я не прикасаюсь. Я тренируюсь через день-два, по полчаса или больше, и так все последние десять лет. Я метая ножи – единственное оружие, которое использовал в частном сыске. Два тонких, без рукоятей ножа в спаренных ножнах, пристегнутых к левой руке, под рукавом.

Я с удовольствием отработал почти час, приплясывая вокруг старого пня: нужно метать с разных углов и расстояний, парами. В любое место на теле врага, размером в банковскую карту, я давно попадаю девяносто восемь раз из ста. Один раз из этой сотни нож попадает ребром, но и так он пускает кровь. Но один раз, – правда, не из сотни, а из пяти-шести сотен, – нож вообще никуда не попадает, и если целью было сухое дерево, он отскакивает от него с жутким звоном, летит назад, и надо успеть от него увернуться.

Но только кажется, что это идеальное оружие для улицы. Я могу так метать нож только с четырех шагов, – на один полный оборот ножа. Внутри оборота ножа, или за ним, – неминуемый промах. Однако со временем, после долгих тренировок, в глазах буквально вспыхивает эта дистанция, ее просто видишь. Отсюда нож войдет в сухое дерево гулко, крепко, радуя слух, и так глубоко, что сразу не вытащить. В мясо нож входит по рукоятю.

Когда я подъехал к коттеджному поселку, солнце скрылось за лесом. У шлагбаума с обеих сторон – просторные будки с охранниками. За высоким кирпичным забором видны верхние этажи элегантных особняков. Я посмотрел по сторонам. В каждой деревне есть укромное место, где летними вечерами собирается местная молодежь. Элитный коттеджный поселок – не исключение, но только молодежь здесь богаче. Сегодня пятница, и чудный летний вечер, поэтому самое время для их тусовки.

Неширокая асфальтированная дорожка ведет вдоль забора в лесок, и там за сосенками горят фары, негромко рокочут моторы. Я очень медленно направил туда свой мотоцикл.

Песчаная лужайка, с краю – приземистый спортивный автомобиль, на бревнышках сидят три девушки и два парня. Перед ними красуются еще двое на мотоциклах, рыкая мощными движками. Я медленно подкатил к ним ближе и выключил мотор.

– Привет, – я махнул рукой в перчатке над рулем, как принято среди мотоциклистов. Двое на мотоциклах молча ответили тем же. Я выставил подножку своей старой «Ямахи», перекинул ногу через седло и с удовольствием распрямил спину. Все молча за мной наблюдали.

– Услыхал ваши моторы, захотелось поглядеть. Классные у вас аппараты.

Они действительно были хороши: один чоппер, настоящий «Харлей-Дэвидсон», очень престижный. Другой – спортбайк от Хонды, новый и тоже дорогущий. Сверкающие хромом и лаком, начищенные к выходным, – смотреть на них был одно удовольствие, тому, конечно, кто любит и понимает. Одеты были байкеры под стать своим аппаратам, в стиле каждого. На чоппере – ковбой в черной коже, черной бандане и в тисненых сапожках на каблуках. Спортсмен – в гоночном, пестром от рекламы комбинезоне с красным шлемом-интегралом.

Спортбайк рыкнул мотором, хрустнул песочком, как застоявшийся конь, и медленно, красуясь, сделал кружок перед бревнышками. По мелким признакам, заметным только опытному глазу, – ездок был не опытным, новичок. Всем им было тут лет по восемнадцать-двадцать. Я сразу почувствовал, что оказался здесь чужим и лишним, и очень старым. Здесь тусовалась

золотая молодежь элитного поселка со своими подружками, – а я сюда приперся на своем старье. Но ведь я был тут по делу...

Я забросил ногу и завел мотор. Окинул глазами лужайку, асфальтовую дорожку, уходящую в лес, и поддал холостые обороты. Ручка газа как бичом подхлестывала раскаленные после дороги цилиндры, тахометр на приборке метнулся выше, заскакивая в красный сектор, вой двигателя из спаренных труб переходил в визг. И я отпустил толчком сцепление. Сразу чистый лесной воздух порвал скрежет задней шины об асфальт, и едкий синий дым вылетел из-под нее. Мотоцикл взлетел на дыбы, на заднее колесо, – и рванул вперед. Такое делать с места – самое трудное, – много легче «козлить» на ходу, отрывая переднее колесо. Но сейчас мне нужен был особенно сильный эффект.

Влетев в лес, я тормознул, упал на переднее колесо и развернулся. Обратное мне было жаль снова рвать так аппарат, и я броском разогнал его до восьмидесяти, и только перед лужайкой дал еще газку и рванул на себя руль. Мотоцикл встал опять на дыбы, как игривый конь, и так, на заднем колесе я прохватил мимо с бревнышек метров тридцать. Вернулся медленно, и мотоцикл поставил с краю, в сумерках сосен: пусть теперь старик отдыхает.

Девчонки встретили меня аплодисментами, к ним присоединились неловко и парни. Но это не было моим «выпендрежом». Это был такой «язык», понятный всем, кто садился на мощный мотоцикл, или хотя бы издали им любовался. Означало примерно следующее: вот мой ненаглядный аппарат, и вот что он умеет, – я на нем только сидел. Но самое главное: может, мне голову снесет когда-нибудь, но все равно это того стоит. Это не было ни показухой, ни вызовом, или приглашением повторить. Ради бога, не надо! Таким штукам на мотоцикле учатся годами, разбивая первые машины и ломая кости. Просто это такой «язык» рискованных людей, как их приветствие поднятой над рулем перчаткой – между незнакомцами, летящими навстречу, со скоростью за сотню, когда не только снимать руку с руля, а разжимать на нем пальцы опасно. Такой вот язык, такое общение.

Но, к несчастью, по неопытности, «спортсмен» на Хонде понял это как вызов. Ведь на бревнышках, как тетерки на токовище, сидели хорошенькие девочки. Но только он успел рыкнуть своим оборотистым движком, смахнул вниз стекло на шлеме, – и я уже знал, чем это все для него кончится.

Он откатил сначала по дорожке в лес для разгона, развернулся, рыкнул, и я не выдержал, соскочил с пенька, где сидел, и выбежал наперерез: сейчас этот салажонок навернется и сломает шею, и все из-за меня! Я махнул ему крест-накрест руками, тот пресек разгон и тормознул передо мной.

– Что тебе?

– Убьешься, слушай, не надо, не здесь. Я поучу потом.

– Отвали, брат, – за темным стеклом шлема видна была презрительная улыбка.

– Ладно, слушай, оторвешь колесо – не бросай газ, и ногу на тормоз! – Тот только кивнул и пошел на разворот.

Хорошо еще, что он не разогнался, как в первый раз, – хоть этим я помог, – он рванул вовремя руль на себя, и молодцом «закозлил», но отвернул ручку газа слишком сильно. Его крутой мощный байк просто вывернулся и уехал без него – на скорости под пятьдесят. Байк полетел дальше, набок в песок, кувырнулся раз, другой и осел с хрустом в кустах. Рубиновый фонарь прочертил в темноте сумасшедшие фигуры и замер. Сам же байкер крепко приложился затылком в шлеме об асфальт и с треском рвущейся ткани комбинезона закувыркался на обочину, в песок, под самые бревнышки.

Девочки вспорхнули, все разом бросились к нему, и я тоже.

– Алешка! Ой, мамочка, он не дышит! Алешка! Не пугай ты нас!

Глаза у парня глядели в разные стороны. Крови не было видно. Стянули шлем – улыбается. Стали поднимать – только охнул, когда привстал на ногу. Похоже, пронесло. Кожа на

комбинезоне содрана, на заднике шлема – вмятина с трещиной, и рука на запястье до крови ободрана, там, где расстегнулась и вывернулась перчатка. Но все это были «семечки», дешево он отделался: «цокнись» он так в бандане, какая была у его друга-ковбоя, – и тогда его голова была бы похожа на сырую яичницу. А так через минуту-другую этот Алешка сидел уже героем среди перепуганных девочек. Ребята привели из кустов его байк – тоже не страшно, по песку он кувырчался, не по асфальту. Но пластик обтекателя поломан, задний поворотник всмятку. Но завели – фурычит.

На душе полегчало. Я взобрался на бревнышки выше и присел рядом с парнями. Пережитый общий страх сближает, и дает особые права. Поэтому я смело вынул из кармана фото с выпускного бала и молча протянул одному.

– Знаешь?

– Танька Софронова. Искали ее тут, – менты всех расспрашивали. И ты мент?

– Нет, сейчас не мент. Мне ее парень нужен.

Тот оглянулся на девчонок и окликнул одну.

– Галя, подойди, – и добавил для меня, – подружка.

Галей оказалась девушка постарше, лет двадцати, с темно карими глазами и обворожительной улыбкой. Я заметил ее раньше, и сразу выделил среди троих. Поэтому я не только ей улыбнуться, а даже поклонился – так она была хороша.

– Он ищет парня Таньки Софроновой. Знаешь?

– Ее парня? – Она непонимающе смотрела на меня, улыбалась и качала головой. – Вот же ее парень, Лешка, на спортбайке. Чуть не убился.

– А другой?

– Какой вам нужен? – она игриво улыбалась, и я улыбался ей.

– Другой, последний.

– Гуталин, наверное, – вставил первый парень и вернул мне фото, потом он крикнул всем, – Эй, народ, едем мы или нет? Десятый час уже!

– Едем, едем!

– Музыкант он – этот Гуталин, – ударник, играет в клубе, – закончил парень и спрыгнул с бревен. Компания засобиралась, и все потянулись – кто к машине, кто к байкам. И «цокнутый» Алешка похромал к своему. Но Галя никуда не торопилась, сидела, улыбалась и закончила за отвалившего от нас парня:

– В клубе «Дубль» он играет, недалеко.

– Галя, ну ты едешь? – крикнул байкер в бандане.

– Мне домой надо, маме обещала. Что так смотришь? Я ж тебе говорила!

Я спустился вниз по бревнышкам и подошел к Леше, он уже сел на свой спортбайк.

– Таню Софронову как мне найти?

– Ох, слушай, и ты ее ищешь... Меня уже расспрашивали менты, – или допрашивали. Да кто ж ее знает, – такая она девка шальная...

– Жива?

– Да кто ж ее знает. Мы с ней расстались. Еще перед выпускными. Ну ладно, свидимся. Хорошая была девка. Жалко. Ну, давай.

– Счастливо.

Тишину леска разорвал рык моторов, молодые голоса утонули в нем, за сосенками мелькнули рубиновые фонари, и все стихло. Я обернулся. Галя сидела на бревнах, сбоку над соснами блестела чистая полная луна. Я подошел к ней и присел рядом.

– Какой вечерок... к вам присесть можно? – она в ответ только засмеялась. Посидели минутку молча – я уже забыл, что нужно говорить при луне красивой девушке. – Красивая луна... как живая. Вам не холодно? – и она опять засмеялась.

– Вы, наверное, из полиции.

– Нет, нет. Я сам по себе.

– А кто же вы?

– Я – Николай, а вы?

– Галя. Зачем вам ее парень?

– Пропала она. Неделя прошла. И дед ее извелся. Хоть бы позвонила. Передать ей можете?

– Кому? – она с деланным испугом повернулась ко мне.

– Подружке вашей, Тане.

– Как же я ей передам?

– Когда позвонит вам в следующий раз.

– Какой вы смешной! – она встала и оправила платье. – Мне пора.

Мы спускались вниз с бревнышек, и я взял ее за руку.

– Я вас провожу.

– На мотоцикле?

– Можно на мотоцикле. Садитесь.

Она игриво, но умело, запрыгнула в седло и обхватила меня сзади руками. Я медленно поехал мимо сосен и через сто метров остановился возле шлагбаума.

– Вот мой коттедж, – она махнула рукой за высокий забор. – А это Софроновых.

Коттедж Софроновых стоял с краю, мрачно чернея на фоне серебристых лунных облаков. Два окна на втором этаже светились.

– Я вас еще увижу? – я снял перчатку и протянул ей ладонь.

– Может быть. Клуб «Дубль». Он завтра там играет после девяти. Парень Танин. Мы все там будем.

– Я приеду. Обязательно. Спокойной ночи.

– Только сами-то не разбейтесь – так отжигаете, – и она юркнула под шлагбаум.

Я поглядел на два освещенных окна на втором этаже и набрал на своем мобильнике телефон этого коттеджа. Ответили не сразу, и я взглянул на часы – одиннадцатый час. Наконец, женский голос:

– Я вас слушаю. – Голос был низкий, грудной, такого сексуального голоса я даже и не слыхивал раньше. Возраст – не более двадцати пяти. Я попросил ее позвать Ивана Петровича

– Иван Петрович отдыхает. Кто его спрашивает? – Я назвал себя, и добавил, что по его заданию я разыскиваю Таню. После этих слов у нее изменился голос.

– Что-нибудь узнали?

– К сожалению, ничего. Иван Петрович спит?

– Сейчас посмотрю. – В трубке было слышно отдаленное: "Ваня, Ванечка! К телефону, мой дорогой, ты не спишь?"

Я ждал минут пять. Засветилось еще одно окно, наконец, раздался глухой, недовольный голос. С первых же слов стало ясно – хозяин сильно пьян.

– А-а, объявился, герой. Я что, нанимал тебя колотить всех до крови? Ты Танюшу нашел?

– Нет.

– Что за скандалы ты мне учиняешь! Портной мне звонит, – какого бандита я к нему подослал! Мы же с ним договорились обо всем, а ты мне свинью!

– Вы про внучку с ним договорились?

– Что о внучке? Что, я тебя спрашиваю! Может, и не он!

– Молитесь, чтобы он. Повторяю, лучше он.

– Охранника нашего избил – зачем!

– Его спросите, и свидетелей.

– И так тошно, еще ты всех мордуешь. Ищешь ее?

– Ищу. Но я звоню по другому вопросу. Я хочу завтра быть на собрании акционеров.

- Это еще зачем! Без твоих кулаков будет жарко!
 - Соберутся интересные люди, – я должен их видеть.
 - Очень интересные... Лишнее. Еще и завтра ввяжешься. Хирург, мне нашелся...
 - Иван Петрович, как хотите, я могу прекратить ее поиски, решайте, денег я у вас не брал. И возьмите себя в руки.
 - Ну вот, теперь ты хамишь!
 - Мне вас жалко с Таней.
 - Ты хоть что-нибудь узнал о ней?
 - Ничего я не узнал. Что вы решили, Иван Петрович?
 - Ничего он не узнал... Жива или мертва наша Танечка... Ладно, я закажу тебе пропуск.
- Но гляди мне завтра, рта на собрании не открывать! Не твое это дело!

5. Собрание

Документы проверяли в проходной так, как будто это был не пыльный старый кирпичный завод, а военный объект. Мне пришлось полчаса отстоять очередь в бюро пропусков. У окошка поминутно возникали мелкие скандалы – многих не было в списках, поэтому им не давали пропуска и не пускали. Скандалы переносились к турникету, где оборону держали дюжие охранники. Похоже было на то, что этих мелких акционеров, совладельцев завода, если их еще и можно было так называть, старались отсеять и не пустить внутрь всеми возможными способами, была бы любая зацепка.

Наконец, я добрался до актового зала. Зал был полупустым, – выставленные на входе препоны удались вполне. Я оглядел зал, выбирая себе место: впереди сцена, на ней крытый кумачом стол и фанерная обшарпанная трибуна. У дверей – охранники. Под сценой – кучка начальства, их уважительно и с опаской обтекали, проходя к свободным местам, последние допущенные. Узнаю Софронова и нескольких, кто собирался у него в кабинете. Поклонился генеральному, но тот, скользнув равнодушным взглядом, мне не ответил. Первый ряд пустой, на спинках листы с крупным "Резервировано". Во втором ряду узнаю Портного. Слева от него женщина средних лет с резкими движениями и недовольным лицом. Рядом – охранник, тоже мне знакомый по вчерашнему скандалу.

От кучки начальства у сцены отделился мужчина и направился напрямик ко мне.

– Господин Соколов? – я кивнул.

– Я отец Танюши. Ничего нового?

Я поклонился, потом медленно и огорченно покачал головой. Хорошо одетый, моих лет мужчина, похожий на своего отца, но без уверенной директорской стати.

– Вы рассчитываете что-то узнать о ней в этом зале? – Я молча пожал плечами, отвечать было нечего.

Он достал из нагрудного кармана визитку и протянул мне.

Я кивнул. Он уже отвернулся, чтобы уйти, но я, наконец, прочистил горло и, взглянув на визитку, назвал вслух его имя.

– Игорь Иванович. – Рядом никого не было, но я понизил голос. – Вы знаете, – отца вашего прессуют, и ваша дочка оказалась, простите, разменной монетой. Это шантаж, на девяносто процентов: мне знакомы их приемы. Вы лучше меня знаете, что от вас хотят и кто хочет.

– Отца спрашивали?

– Беседовали. Он думает, подпишет бумаги, – и вернут ему внучку.

– Думаете, нет?

– Иногда нет. Вы в составе руководства?

– Зам по коммерции. Очень плохо у нас. Всех на улицу скоро. Доработались. Вот кто станет хозяином, – и он кивнул на второй ряд.

– Все решено?

– Формальности остались. Мне пора, – он прошел вперед и сел в первом ряду. Наверху, в президиуме за кумачовым столом, уже занимали места.

Я тоже сядил, с краю, но услышал за спиной:

– Эй, байкер! Боксер! Давай к нам! – это окликал меня позавчерашний скандалист из проходной. Я оценил выгоды и неудобства такого соседства, но решил протиснуться к нему ближе.

– Здорово, байкер, и ты встрял в это дело! Сейчас мы оттянемся по полной. Серегой меня зовут. Тебя?

– Николай. Всех тут знаешь? Кто там на сцене?

Через несколько минут он и его соседки давали мне, персыпая метким матерком, исчерпывающую характеристику каждого.

Генеральный директор – "ворюга еще тот, побольше всех хапнул", "живет с бывшей секретаршей, а она вон с тем трахается, с юристом".

Главный юрист завода, Гена, – "жох будь-будь, все их делишки обстряпывает, и себя не забывает", "они с этой Аллкой еще до директора – шуры-муры крутили, да так и не могут остановиться". "Старик и рад бы его турнуть с завода, да, видать, боится, – тот их мигом на чистую воду выведет".

Председатель совета директоров, Глотов, – "старый коммуняка. Откроет рот, а ты закрой глаза, – и как на партсобрании опять сидишь. Но карман он свой успел набить, – и когда «прихватизировали», и нынче, когда еще акций понавыпускали, по закрытой подписке, – себе да своим". "Это верный ленинец. Он у нас на заводе партсекретарем был лет двадцать. Уже тогда мы его вдоволь наслушались. Про коммунизм-то. Но потом что-то не видать его стало, когда парткомы прикрыли. Но потом вынырнул, председателем заделался, – и снова шишка".

Сынок директорский, – "Гоша, зам папочки по коммерческим вопросам. Арендную плату с местных бизнесменов стришет, только этому и научился в институте", "С отцом на ножах, даром, что сын. Небось, деньги поделить никак не могут. Доработались мы до ручки с такими директорами".

Зам по режиму и общим вопросам, Стукалов, – "недавно он у нас, темная лошадка. Охраной командует, мордovorоты все ему подчинены, только его слушают. Говорят, кэзэбэшник бывший".

Блиц-характеристики пришлось прервать: на сцене привстал председатель, пощелкал пальцем по микрофону и объявил внеочередное собрание акционеров завода бетонных и керамических изделий открытым. Председатель совета директоров был крупный, невысокий, но широкой кости человек. Голос у него был гулкий, внушительный, привыкший к частым выступлениям и к вниманию. Я узнал в нем одного, кто выходил при мне из директорского кабинета. Им оказался Глотов, "старый коммуняка».

– Товарищи акционеры! Собрались мы сегодня на внеочередное собрание по печальному поводу. Правление завода, переизбранное нами почти единогласно еще в мае, так и не справилось с охватившим завод кризисом, и только ухудшило общую ситуацию. – Зал притих: ни шепота, ни кашля. – Завод залез в долги, и теперь по искам кредиторов крупные суммы на наших счетах арестованы по определению народного суда. Работать в таких условиях становится невозможно. Вина ли в этом избранного нами руководства – решать вам. Но это теперь не важно. Предлагаю заслушать отчет генерального директора и его предложения по выходу из сложившегося положения. В повестке дня у нас голосование по предложенному руководством решению. Докладчика прошу к трибуне.

Софронов тяжело поднялся из-за стола и встал к трибуне.

– Товарищи. Тяжело говорить, но оправдываться мне перед вами нечего. Старались как могли, но обстоятельства складывались против нас. Навалилось все сразу: устаревшая продукция, старое оборудование, нехватка оборотных средств, долги, и всемирный кризис. Долги наши, как вы знаете, скупила одна фирма и неожиданно предъявила их в суд. – Зал после этих слов начал оживать: послышались недовольные возгласы, смешки. Председатель привстал и звонко постучал стаканом о графин. Софронов продолжил: – Но напрасно председатель совета директоров, товарищ Глотов, хочет свалить все на нас. Мы с ним старые друзья, еще в советские времена этот завод в передовые выводили, почетные грамоты да вымпелы до сих пор на заводе хранятся, да только времена теперь иные, и самому совету директоров, с товарищем Глотовым во главе, надо было в свое время другие решения принимать.

Зал зашумел, как хвойный лес перед бурей. Прорезали шум отдельные выкрики с мест: "Кончай завирать, Софронов», «Себя-то не обидел?».

Председатель опять погромел стаканом о графин и встал.

– Я попросил бы генерального не заниматься демагогией, а озвучить свои предложения. Что было, то прошло, а ты скажи акционерам, собственникам этого завода, как нам добро свое спасти, деньги наши кровные вернуть? Как на улице не оказаться?

– Теперь о наших предложениях. Коротко скажу. Продавать надо. Все продавать. Завод, землю под ним, все, что осталось.

Крики из зала: "И людей продашь?", "Сколько тебе приплатят за это?" Председатель опять встал.

– Тише, тише, товарищи. Предложение генерального директора нам понятно. Если у тебя, Ваня, все, – присаживайся. Послушаем теперь нашего заводского юриста. Прошу, Геннадий.

Юрист был молод и высок, но жидок комплекцией.

– Господа акционеры, к сожалению, обрисованное положение дел действительно удручающее. Завод – банкрот. Если вы хотите что-то еще спасти из вашей собственности – то должны немедленно завод продать. Покупатель есть. Пока есть. На майском отчетно-перевыборном собрании мы докладывали, что завод полгода уже подвергается атакам недружественного захвата со стороны определенной организации. Но наши ответные действия, – и в судах, и выпуском дополнительных акций, чтобы усилить контроль, – к успеху не привели. Сейчас же, с арестованными по суду средствами и без тех акций, что скупили у наших работников, завод оказался на грани перехода в руки нового хозяина. Поэтому мне, как юристу завода, представляется вполне оправданными и целесообразными меры, предложенные генеральным директором. Продавать завод, и как можно скорее. Даже срочно. Спасибо за внимание.

– Понятна ваша позиция. – Сказал председатель, привстал и окинул взглядом неспокойный зал. – Прошу теперь на трибуну записавшихся ранее с краткими выступлениями. Строго по списку. Регламент – до трех минут.

Первым на трибуне появился вчерашний мой знакомый.

– Следующий по списку – акционер Портной Борис Михайлович. Прошу заметить, он представляет организацию, предложившую выкупить наш завод. Поэтому хотелось бы услышать от господина Портного, какие имеются у него планы по развитию нашего передового в прошлом завода.

– Друзья! Я такой же акционер, как вы. – Портной сделал пауза и оглядел притихший зал. – Что выгодно вам, то выгодно мне. Завод ваш был когда-то передовым: в пятидесятых годах четверть новой послевоенной Москвы построена его трудами. Московские «Черемушки» – ваших рук дело! Но времена изменились, жизнь ушла вперед, устаревшая продукция завода больше никому не нужна. Жители района требуют его переноса или закрытия: пыльное вредное производство не для столицы. Жители обращаются в суды, санэпидстанция их поддерживает, а теперь даже получена рекомендация префектуры. Их позиции совпадает. Но не все так плохо, и мы, акционеры не останемся в накладе. Конкретных планов еще нет, но все будет хорошо. Поверьте мне. Спасибо.

Следующие выступавшие оригинальностью не блистали – те же перепевы: продавать. Но вот появилась на трибуне измотанная немолодая женщина со скандальным голосом, и стала выкрикивать то, что больше понравилось залу: "Закрывать? Да я тут тридцать лет работаю, и куда вы меня? На свалку?", "Захватили, каждый по жирному куску, а теперь деру? Почему уголовное дело заведено против директора? Кто объяснит? Молчок? Эй, юрист, или ты не в курсе?", "Кто нас уверял в мае, – выпустим новые акции, и будто коммунизм на заводе наступит? Не ты ли, Глотов? Вижу, ты себе сумел коммунизм построить, личный, дожил-таки до светлого будущего?", "В прокуратуру с этим делом надо, нечего с ними больше обсуждать. Ворье!"

Микрофон отключили, зал одобрительно гудел, но женщина на трибуне в этом общем шуме, что-то еще выкрикивала, махала руками. Председатель встал.

– Товарищи, спокойнее! У нас демократия, все вопросы решит голосование. Счетная комиссия, во главе с нашим регистратором, хранителем списка акционеров, как полагается по закону, определит решающее желание подавляющего числа... – дальнейшего было не расслышать, – не только гудел зал как рассерженный улей, но и сосед мой Серега вскочил и заорал над ухом:

– Я еще в списке, я! Моя очередь выступить! Слышь, Глотов, не мухлой, всех будем слушать! – он начал протискиваться по ряду, отдавив мне по пути ноги, и продолжая выкрикивать: – Мне теперь говорить, я записывался!

Он взлетел на сцену к столу президиума и сначала кричал им что-то, каждому в лицо, размахивая руками, пока, наконец, председатель Глотов сам не замахал на него, но примирительно, и уступая. Микрофон включили, Серега подскочил к трибуне. Охрана подтянулась к краям сцены, заблокировав лесенку, и поглядывая назад, на президиум, ожидая команд.

– Ребята, братцы... Эй, акционеры хреновы! Нас же дурят, вы что, не понимаете?! Да никому не нужны ваши голоса, мандатами своими можете подтереться. Мы ж сами в мае-месяце свой завод отдали, вот этим, за столом которые. Весь завод, с трубой, со всеми делами. У них теперь контрольные пакеты. Эх, сказал бы я вам, что мы тогда наделали с этими новыми акциями, да в микрофон неудобно. Вы теперь своими мандатами хоть за Ленина-Сталина голоуйте – им это по барабану. У них все схвачено: закрытая подписка у них же была, они себе еще акций по мешку на каждого напечатали, по копейке за штуку, – теперь этот завод их личный, одурачили вас, идиотов... – микрофон с щелчком вырубил, и на мгновение Серегин голос потонул в гуле. Но зал быстро среагировал, утих, прислушиваясь, а Серегу это только раззадорило, он теперь резал зал, перемежая угрозы и оскорбления матерными словечками, и народ одобрительно хлопал и хохотал над этим представлением.

– Сами отдали, на тарелочке поднесли, развесили уши – защита от захвата, от рейдера... Вот вам, защита. Теперь могут хоть рейдеру, хоть кому: земля под заводом – золотая! Московская! Сообразили, нет? А, скажите, где протокол того собрания, когда нас дурачили? Где? Не дают и поглядеть! Липа там все! Так слушайте сюда, дурачки! Не их теперь надо слушать, а в прокуратуру с заявлением, – или где там у них эти аферы с акциями рассматривают. Поняли? Теперь, значит, так, слушайте! Собираемся сразу у проходной, пишем заявление, найдем своего юриста, а не Гену, эту шавку продажную... Слышь, Глотов, коммуняка вшивый, ты в парткоме двадцать лет сидел, нас дурил, теперь в капиталисты заделался и опять за старое? – во тебе, сядешь за решетку с Софроновым за компанию, со всей шайкой...

Я не заметил, кто подал охранникам команду, – те одновременно, с обеих сторон сошлись к трибуне и выдернули Серегу из ее фанерного чрева. Он скрылся за могучими плечами в черной форме, и широкий черный комок отплыл за дверь. Зал бушевал, но как-то весело, забавляясь, и председатель опять загремел графином.

Наконец, ему удалось успокоить зал и объявить о начале голосования по вопросу о продаже активов завода. Появился фанерный ящичек, под цвет кумачовой скатерти на столе, – как будто то и другое попало в рыночную стихию из навсегда закрытого парткома. Счетная комиссия засуетилась вокруг регистратора – улыбочивой и какой-то очень домашней дамы. Было ясно, что будет дальше и какой окажется результат, я видел это на таких собраниях множество раз. Но сейчас я был тут не в качестве эксперта по корпоративным конфликтам, а посторонним человеком в поиске пропавшей девчонки, и дальнейшее меня не касалось. Я попросился с притихшими и встревоженными спутницами Сереги и протиснулся к выходу.

6. Клуб «Дубль»

Когда поздно в субботу я нашел среди новостроек клуб «Дубль» был уже одиннадцатый час. Через приоткрытые окна громыхал на улицу оркестр, его заводной ритм сразу приподнял мне настроение. Хороший блюзовый драйв, четкий, ладный, – эти ребята знали свое дело. Я подкатил на стоянку клуба и заглушил мотор. В цветных сполохах клубных огней на парковке играли лаком знакомые два мотоцикла и спортивный «Мустанг».

В субботний вечер клуб был полон. На эстраде громыхал блюзовый бэнд, между столиками отплясывала нетрезвая публика, в баре у эстрады отбивали ритм в ладоши. Я заметил свободное место у стойки, прошел и сел вполоборота к эстраде.

Квintет работал на совесть, – одну за другой, без отдыха, выдавал блюзовую классику. Не первый, похоже, час, и даже не в первом кабаке за этот вечер. Взмокшие майки, усталые улыбающиеся лица, но никакой дешевой работы на публику. Басист глухим, пробирающим до кишок басом шагал по гармонии. Клавишник, вел на синтезаторе. Солировали тенор-сакс и тромбонист. У второго лежала еще рядом труба, но сил, или, вернее, губ, на нее уже не хватало. Губы деревенеют у активного джазового трубача через час, и ничем их уже не заставить выдавать нужные ноты. Все это я знал по себе и по своим губам: в юности сам играл в таком же блюз-банде, на такой же трубе. То было давно, но интерес и некоторая сноровка остаются.

За ударной установкой колотил без отдыха чернявый малый. Я рассмотрел его внимательней. Длинный и худой, из-под фиолетовых шорт торчат пританцовывающие на педалях тощие ноги. На всю правую икру – трехцветная татуировка. Очень сложная: узор из переплетенных растений, – розовым, зеленым, голубым. И крупно, узнаваемо – листья марихуаны. В левом ухе поблескивают три колечка, еще одно – в правом. Красная цветастая майка почернела пятнами от пота, в глазах отрешенность. Ритм выдает классный, сложный, многослойный, – моя нога не может из-за него остановиться.

– Что пьем? – бармен устало и профессионально улыбался.

– Колу со льдом.

– Со льдом напряженка. Из холодильника?

– Окей. – Я не пью ничего крепче пива. Без всяких принципов – мне так интереснее, и мой мотоцикл другого не любит.

Квintет один за другим выдавал блюзовые стандарты. Я привычно отсчитывал в них такты и смены аккордов: я их тоже все знал. Еще с семнадцати лет, когда ходил учиться со своей трубой в джазовую студию, единственную тогда, – «Москворечье» на Каширке. Это как плавание – ничего не забывается. И даже теперь время от времени я набираю на компьютере аккомпанемент – бас, фортепьяно, ударные, – и тихонько импровизирую в своей холостяцкой квартире в Чертаново. Но теперь чаще не на трубе, а на губной гармонике. Я открыл для себя этот инструмент случайно, и теперь не расстаюсь с ним в своих скитаниях: эта японская гармошка всегда со мной в задней сумке мотоцикла. Но сейчас она была у меня в кармане джинсов: ведь я знал, куда иду.

Хлопок чей-то руки по плечу, оборачиваюсь: Леша, вчерашний неудачливый байкер.

– Привет! Подсаживайся, чего один скучаешь, как неродной!

– Спасибо, Леша. Хромаешь, – болит нога?

– Куда она от меня денется! Водичку, вижу, пьешь, – на байке? Давай к нам, и мы пиво безалкогольное.

Я оглядел через зал их компанию за сдвинутыми столиками: десяток человек, большинство в байкерском прикиде, несколько знакомых со вчерашнего вечера лиц, девушки. Среди них и Галя, – смотрит, улыбается. Я помахал им рукой. Некоторые отмахнули в ответ.

– Подсяду позже, спасибо, Леха.

Мне было хорошо здесь, все понятно и покойно. Джазовый ритм, родные звуки блюза, свобода в душе и радость. Здесь я отходил от утренней жадности, хамства и хищности людей. Но, возможно, все те сейчас тоже были иными – в своих семьях, с любимыми, – сейчас и они были добрые, ласковые, отзывчивые. Всех нас создал один Господь, и осуждать кого-то – не нам. Но защититься – обязаны, на то он нас и создал – выживать.

Тромбонист соскочил с эстрады. Пока солировал клавишник, он протиснулся к бару рядом со мной. Показал бармену пальцем, что ему надо, – и забулькал из горлышка газировкой. Осушив половину бутылки, перевел дух, влажными глазами глядя на меня. Я не выдержал:

– Слушай, брат, поставь меня на свою трубу. Ты устал, вижу.

Тот сконцентрировал на мне взгляд, как будто только что заметил.

– Думаешь, просто?

– В "Москворечье" играл?

– Ну, встань, попробуй.

Мы вскочили на эстраду. Клавишник с беспокойством оглядел меня, но тромбонист склонился над его ухом и тот кивнул. Я поднял с пола золотую трубу. Отошел скромно назад, и встал рядом с ударником, впитывая ритм и драйв блюза. Сначала губы надо размять, разогреть, и мундштук тоже, поэтому я тихонько походил по нотам громыхающих под ухом аккордов. Джаз, блюз – это всегда соло по очереди всех, кто – что сумеет на своем инструменте. У каждого, конечно, есть домашние заготовки, обрывки мелодий, но все равно получается каждый раз по-новому и для всех неожиданно. В этом – вся сила.

Начали Сент-Луис блюз. Сыграли тему, начали вариации: сакс, тромбон, клавиши... еще басс, следующий я. Не опозориться бы! Я шагнул вперед, подняв к губам золотую трубу. Я не отходил далеко от мелодии, чистой и грустной, и моя труба пела так, как я уж забыл среди бетонных стен своей квартиры. Двенадцать тактов, – достаточно, – следующий. Я шагнул назад и опустил трубу.

Слушатели всегда оценивают каждое новое соло, и свист – высший балл. Мне аплодировали, но, возможно, просто соскучились по солирующей трубе, и я отнес к этому их шум. Но все равно хорошо, придало мне смелости, и я был готов теперь импровизировать. Вот новая тема, – опять клавиши, сакс, басс, тромбон, еще и соло на ударнике, – и я положил трубу обратно на стул, где она лежала. Теперь очередь моей губной гармошки.

Я играл свои любимые рифы, высоким тоном, свингуя и заводя зал. Пару раз попадал не в аккорд, но никто уже этого не замечал. Звонкая и одновременно силовая гармошка как ножом взрезала плывущую в табачном дыму пелену из лиц, огней, белых скатертей и блеска бокалов. В эти минуты всегда бывает очень хорошо на душе: кто-то понимает тебя, ты нужен, вокруг тебя друзья, и врагов больше нет. То, что я говорил о мотоцикле – что они никогда не подпустят в голову дурных мыслей, – правда и о блюзовой гармонике. Поэтому у человека есть всегда выбор. Но ненадолго, как и само счастье.

Я вернулся к стенке, – постоял, отдохнул, и выбрав момент, нагнулся к ударнику:

– Отлично ведешь ритм! – в ответ он даже не кивнул, а просто в свой многосложный ритм вставил еще одну перебивку. Я рассмотрел его ближе: он работал на своих барабанах и тарелках как в экстазе, не замечая ничего вокруг, растворившись в ритме, звуке, взмокший, и без сомнения очень счастливый. Но вряд ли это было из-за одной наркоты – хотя на его открытых руках и синели следы от шприцев. Такие звуки, этот ритм сами по себе способны ввести в транс – как шамана, – знаю по себе. Ничего бы не смогло сейчас остановить или задержать этот несущийся, как экспресс, блюзовый ритм. Почти ничего.

Я снова нагнулся к его уху:

– Где Таню прячешь?

И вдруг этот экспресс качнулся и чуть сразу не сорвался под откос. Не в такт зазвякали тарелки, колотушки пропустили по удару, многослойный торт звуков, вмиг сплющился

всмятку. Музыканты повернули головы в поисках причины катастрофы. Я отошел в сторону, и ударник малю по малю пришел в себя, встал на рельсы и наладил ритм. Я сыграл еще один квадрат, положил в карман гармошку и сбежал с эстрады. И вот тогда-то мне действительно захлопали. Поворачивались ко мне, хлопали, что-то кричали. То бывают лучшие моменты жизни. Я направился к знакомой компании, и там сразу нашлось для меня местечко. Я сел между Лешей и вчерашним байкером на «Харлее». Галя сидела с ним – она была его девушкой.

Похлопывания по плечу, рукопожатия, "Клево ты дудел!", "Ну, выдал ты, чувак" и тому подобное. Меня забавляют эти молодежные "чувак", "клево". Вечные бессмертные словечки, они все из пятидесятих годов прошлого века.

Мне хорошо было среди этих байкеров. Это настоящая семья, когда своей давно нет. Мне жаль было расставаться с ними. Но было за полночь, и музыканты сыграли последний блюз, начали собираться, и в динамики запустили дешевый рок с компакт-дисков. Я стал прощаться, я торопился. Пожимал руки, за что-то благодарил. И Галя тоже протянула мне свою руку, и когда ее нежно пожимал, в моей ладони осталась вчетверо сложенная записка. Она улыбалась, а я кивал, кивал всем, сомневаясь, что когда-нибудь еще увижу их.

Я выехал со стоянки клуба и остановился за автобусной остановкой, в густой тени, где меня не было видно. Из клуба уже начала вываливаться публика. Развернул записку: телефонный номер. Не зря, значит, я трубил весь этот вечер.

Музыканты вышли все вместе, расселись по трем машинам – потрепанным иномаркам. Нужный мне Гуталин сел пассажиром к басисту – в темноте издавек я ориентировался только по чехлам их инструментов. Гуталин нес в руках округлый кожаный кейс с тарелками, – уважающие себя ударники выступают только со своими.

Выехали они со стоянки одновременно, я тронулся сзади, опасаясь перепутать их в темноте. Но после пустых городских перекрестков, на шоссе, ведущем за город, остался только нужный мне «Фольксваген». Мне пришлось выключить фару, пока без нее было видно на дороге, да и полная луна светила мне. Моя неотвязная одинокая фара в зеркале заднего вида «Фольксвагена» несомненно насторожила бы любого. Позже придется все равно ее включить, чтобы не сломать шею на каком-нибудь проселке.

«Фольксваген» бодро несся по ночному шоссе в сторону от столицы. И вот поворот в темень, в поле, к дачным участкам. Я тормознул, выждал, пока рубиновые огни не углубятся в природу метров на двести, и снова включил свою фару. На горизонте, среди деревьев, на фоне светлых облаков, чернели крыши и светились редкие квадратики окон. Мне пришлось поднажать и приблизиться к удаляющейся машине: теперь можно было запросто ее потерять в неосвещенных переулках. Несколько поворотов, мелькание красных огней сквозь кусты, – и стоп. Я вырубил фару, и поехал почти на ощупь, выбросив на всякий случай в стороны ноги.

«Фольксваген» стоял у глухого забора. За ним высилась двухэтажная дачка. Хлопнула дверца машины, скрипнула калитка, и красные огни тронулись дальше. Стук входной двери еще не утонул в ночной тиши, как на втором этаже вспыхнули два окна.

Я подъехал ближе, слез с мотоцикла и пошел вдоль глухого двухметрового забора из металлических штампованных листов. В даче по-прежнему светились только верхние окна. Одно окно было приоткрыто, и за ним плотная штора слегка шевелилась на сквознячке. Если комары их ночью не достанут, то оно так и останется открытым до утра. Это могло бы стать на руку. Но только утром.

В подсумке мотоцикла у меня всегда с собой толстый свитер и термо-мешок, в который можно по шею залезть и согреться ночью. Из такого материала в некоторых странах делают мешочки для горячей выпечки, чтобы можно было ее принести домой, как из печки. Поэтому ночевка летом в придорожном лесу под елкой – для меня удовольствие, тем более в такую лунную ночь. Я сел на мотоцикл и вернулся назад, где заметил лесок. Наломал несколько ело-

вых лап, подстелил и с удовольствием растянулся. Сквозь еловые ветви неслись и неслись надо мной по светлому челу луны серебристые облака.

7. Освобождение.

Я, конечно, проспал под елкой и проснулся почти в восемь. Благо собирать было нечего, но я потерял еще несколько минут, пока вырезал ножом суковатую дубину, и, наконец, вскочил на мотоцикл.

Окно в спальне на втором этаже было по-прежнему открыто, и штора, как и ночью, шевелилась на ветерке. Оглянулся по сторонам – никого. Подставил дубину с сучками к забору и, как по лесенке, перемахнул. Упал, слава богу, не на грабли и не на вилы – а в кусты. Пошел сразу к сараю – открыто. Внутри лопаты, грабли... и стремянка.

Со стремянки мои локти достали до жестяного подоконника. Лучшего не пожелать. Медленно отодвинул штору. Кровать, скомканные простыни, свисающая из-под них рука. На ноге знакомая татуировка. Гуталин лежал на кровати один. Я влез в открытую створку окна и замер. С ним рядом на кровати лежала вторая смятая подушка, и второе скомканное одеяло. За кроватью была видна полуоткрытая дверь. Я прислушался – кто-то там был, доносились живые, но непонятные звуки, и даже какой-то детский смех. На цыпочках я обошел кровать, приоткрыл эту дверь шире и заглянул.

В углу комнаты работал почти без звука телевизор, и затылком ко мне, в кресле, – блондинистая, кудрявая головка в наушниках. Время от времени эта головка закидывалась назад и тряслась от смеха: на экране мелькали старые диснеевские мультики, воскресная утренняя программа центрального канала.

Бесшумно я подошел ближе и достал из кармана фото с выпускного бала. Я надеялся, что это была она. Негромко я позвал: "Таня". Она не услышала меня в своих наушниках. Она слушала одновременно еще и какой-то музыкальный диск на своем плеере. Я повторил ее имя громче, еще громче. Наконец, она услышала меня, повернулась, расширила глаза, приоткрыла рот, и я сразу протянул ей фото.

– Что, кто это? Кто вы? Откуда это у вас, что вам надо! – она сорвала с головы наушники, но не закричала и никого не позвала на помощь. Левая ноздря у нее было проколота, и на ней сверкал камушек в оправе. Золотой шарик блестел над бровью, и такой же под нижней губой.

– Тише, тише, Танечка, все спят, ш-ш, – это подействовало удивительным образом, и она действительно перешла на шепот.

– Кто вы такой? Как сюда залезли?

– Я ваш друг. В окошко, Таня, оно у вас открыто. А Гуталин спит. Пусть пока спит, он устал за вечер.

– Да кто вы такой!

– Друг. Ваш, и Гуталина. Друг. – Так я никого не обманывал: в блюзовом бенде играют только друзья.

– Я вас не знаю!

– И я вас. Но видел ваше фото. А теперь нам надо ехать домой. Дедушка весь извелся. Он чуть не плачет. Немедленно. – Она отпрянула в кресле, глаза ее сузились.

– Никуда я не поеду. Я закричу! Вы что, полицейский?

– Надо ехать, Таня. Полиция вас ищет. Но мне первому повезло. Поехали, я вас на мотоцикле прокачу.

– Я совершеннолетняя! Я что, не имею права?

– Дедушку мучить, который тебя любит, – нет, нет. Не имеешь.

– Никуда я с вами не поеду! Я вас боюсь! Володя! Проснись, Володя!

Я встал со стула и прошел в спальню. Теперь только Гуталин мог мне помочь. Пришлось его брать за руку, будить и тормошить. Наконец, растолкал его. Как только он продрал глаза, посмотрелся и узнал меня, так сразу вскочил и сел в кровати.

– Доброе утро, Гуталин. Я Таню домой забираю. Не возражаешь?

– Ты кто?

– Я – Николай Соколов, мы вчера с тобой вместе играли. – Скрипнула за спиной дверь, рядом появилась Таня. – Ты объясни ей, что домой надо, дедушка извелся. И полиция сейчас приедет. Ты хочешь с ней встретиться? Нет хочешь?

– Ты мент?

– Я сейчас не мент, но менты скоро приедут. Они неделю вас ищут. Разбирайтесь тогда с ними сами.

– Мы не можем... то есть она не может. – Гуталин мял руками лицо, поглядывая на Таню. – Мы живем здесь. Нас попросили... . Еще несколько дней проживем... Ничего плохого не делаем, и вообще. Зачем этот кипишь? Что за дела?

– Кто вас просил?

– Неважно. Не твое дело. Проваливай, а то познакомишься с ними.

– С кем?

– Неважно. Все, привет. Отваливай.

– Гуталин, ты меня не понимаешь. – Я взялся за его ногу и сильно дернул, он опрокинулся на спину. – Проснись. От дури не можешь отойти? Напрасно ты, Гуталин, колешься.

– Что тебе от меня надо?

– Таню.

– Она взрослая!

– Очень взрослая. Поэтому ты скажешь ей ехать со мной домой.

– А если не скажу?

На это у меня не было готового ответа. Тогда хрен с ними со всеми, если такой жизнью хотят жить. Позвоню ее деду, пусть сам внучку забирает, если у него лучше получится. Нашел ее, – а забирай сам. И поеду домой спать на мягкой кровати, и без комаров. Но в тишине вопроса вдруг послышался снизу шум подъехавшей автомашины, хлопнули по очереди две дверцы. Гуталин прислушался и беспокойно повернул к окну голову. Я обернулся на Таню, – она тоже напряглась.

– Кто это?

– Хозяева.

– Что им надо?

– Слушай, как тебя, Коля, сейчас базар будет. Лучше скажем им – ты наш знакомый, музыкант, и все дела. Случайно зашел, мы не приглашали. Тебе ж будет лучше. Это крутые. Братки. Типа.

– Чего ты боишься?

– Неважно. Только не возникай при них. Я тебя прошу, это такой народ...

– Ты деньги у них за это брал?

– Неважно. Брал – не брал, что тебе? Ты понял? Уже идут. Скрипнула садовая калитка.

Я взял Таню за руку.

– Идем со мной, прямо сейчас, вещи Гуталин привезет. С нехорошими ты связалась. Добром не кончится. Поехали, Таня.

Она неожиданно вдруг слабо кивнула мне. Я за руку повел ее к двери, мимо шепчущего телевизора, к двери. Но внизу, на первом этаже, уже щелкал замок входной двери.

Мы спускались по пологой и узкой лестнице, я не отпускал тоненькую девичью руку, вел ее за собой. Я уже опустил ногу на последнюю ступеньку, когда входная дверь распахнулась, и один за другим появились двое. Крупные мужчины в летних рубашках. Глаза их еще привыкали к сумеркам помещения, – но они сразу замерли как две большие кошки, заметив нас на лестнице.

– Привет, – произнес первый, ослабившись. – Далеко?

– Домой. – Я сразу узнал того, кто стоял в дверях первым, я видел его в кабинете Портного с дробовиком в руках, курносого. Он узнал меня тоже.

– Зачем девочку от нас уводишь? Ей с тобой не хочется, – сказал курносый

– Хочется. От дверей!

– Ты что, мужик... – он сделал шаг навстречу со сжатыми кулаками. Второй страховал сзади.

Я отпустил руку девочки и приготовился. Я стоял на ступеньку выше, сейчас это было преимуществом. Я не подпустил его ближе, а сделал выпад и ударил носком тяжелого мотоциклетного сапога ему в колено. Он выдохнул и чуть согнулся от боли, и я ударил вниз, правым кулаком в висок. Такой удар – лучший в профессиональном боксе, он укладывает в нокаут вернее, чем в челюсть. Но только если выполнен от корпуса, всей массой, а не одной рукой и сверху вниз, как получилось сейчас. Он повалился набок, задев лестничные перила, те с треском переломились, и он перелетел через них на пол. Больше я за ним не следил: рука второго медленно и угрожающе потянулась за пазуху, под расстегнутую рубашку.

Оружие появилось в руках каждого из нас одновременно.

У него был «Макаров». Стал бы он его применять или нет, – вопрос для судебных прений адвокатов. Если бы, конечно, я остался живой и здоровый и подал бы на него в суд. Но рассчитывать на такое было легкомысленно. С другой стороны, для меня «Макаров» в его руке был как зеленый свет светофора, – закон сейчас был на моей стороне: возникала прямая угроза жизни, и не только моей.

Я сразу увидел место, куда мой нож должен был войти ему под кожу. Полоска на рубашке, не шире банковской карты. Много есть мест на человеке удобней, – и любой бы суд оправдал меня, ... – но этот человек был бы уже мертв. Это и широкое брюшко с тугим желудком и мягким, как подушка кишечником. Это и сердце, ненадежно укрытое тонкими и хрупкими ребрышками, и белая нежная шея, прямо-таки зовущая к себе из распахнутого воротничка... И все это такое большое и широкое...

Но нет, пусть он живет, только правая рука с пистолетом должна упасть плетью с подрубленным сухожильем у ключицы! Пожалуй так... Еще секунда, и мушка его пистолета тоже выбрала на мне что-то. Но за моей спиной, вцепившись в перила, эта девочка, – и мне не отступить на шаг, чтобы уместить в полете нож точно на один оборот. Он глядел на мой нож с усмешкой, не понимая опасности, – никто из них не догадывается, что мой ножик умеет летать. Но боковым зрением я видел, как уже поднимался с пола курносый.

Я метнул нож, опрокидываясь на спину, на девочку, чтобы добавить нужные мне поллоктя. Где-то в падении, его плечо как будто вспыхнуло в моих глазах, – и я выкинул руку с ножом. Оборот блестящей стали, круглая молния, и сразу в дачной тишине влажный хруст. За ним удар тяжелого «Макарова» о половые доски. Я спрыгнул со ступени лестницы и ударом сапога откинул пистолет, – тот, крутясь волчком, отлетел под столик перед плетеными креслами. Тот еще стоял, сразу обмякший, с ужасом глядя на торчащую в его плече черную стальную пластину. Постоял и медленно осел на пол. Справа от него, курносый уже поднялся, готовый ввязаться в свалку, но теперь в нерешительности замер. И я медленно обнажил из-под рукава второй нож. Бочком курносый двинулся к двери, не спуская с меня глаз, и юркнул наружу. Я оценил вероятность того, что он вернется обратно с дробовиком. Вероятность эта была мала.

Но тут картинка была ужасной, – я представил ее глазами девочки. Поэтому я обернулся к ней, погладил по плечу и тихо попросил:

– Поднимись наверх, собери вещи. – И она охотно, как коза, пустилась вверх по ступенькам.

Я повернулся к раненому, – тот уже сам вытаскивал нож из руки и с ужасом глядел на стекавшую с него кровь. Лучше бы он этого не делал, сам не вытаскивал, но уже было поздно.

– Аккуратнее, я тебе помогу. И брось нож на пол.

Он его не бросил, а как драгоценность осторожно положил на пол. Психологический шок это называется.

Я оценил рану и кровотечение по пятну на тонкой рубашке и снял с вешалки махровое полотенце.

– Повернись, я осматриваю. – Со стороны лопатки краснело пятно меньшее, но все равно это был случай для скорой помощи. Я обмотал ему полотенцем плечо, и положил на бандаж его ладонь.

– Прижимай, сейчас я вызову скорую помощь. Если хочешь, чтобы скорей приехала, скажи мне адрес этой дачи. И еще, – попробуешь бежать – остановлю. – Тот кивнул с закрытыми глазами.

Я вынул мобильник и сделал два кадра встроенной камерой. Первый – общий план: его на полу, второй крупно – одну физиономию. Переключил на видео и снял панораму. Затем я сел в плетеное кресло.

Первый звонок по 102. Назвал себя, объяснил ситуацию:

– Она в розыске уже неделю, дело ведет следователь Шаров из Южного округа, дайте ему знать. Есть раненый... при попытке применить огнестрельное оружие. Врач нужен. Скорее.

Второй звонок следователю Шарову – на его мобильный телефон, потому что было воскресенье. Ответил сразу, но долго не мог понять, кто я такой.

– Я – Соколов. Помогаю знакомому. Софронов – его фамилия. Внучку ему нашел, здесь она, со мной. Я вызвал полицию, держите с ними связь.

Третий звонок в коттедж Софроновых. Я набрал телефон коттеджа и сразу услышал знакомый мне бархатный сексуальный голос. Я попросил к телефону Ивана Петровича

– Это вы? Я вас узнала. О Тане что-нибудь?

– Все хорошо с Таней. Дед ее дома?

– Да, да. Все хорошо?

Странно было услышать удивленные нотки. Но объяснимо: больше недели «без вести» – это почти всегда навечно. На заднем плане в телефонной трубке мощно ухал собачий лай.

– Нашел? Где Таня? – услышал я.

– Со мной. Все хорошо. Через час привезу.

– Ну ты, молодец! Рядом она? Дай трубочку.

Я крикнул «Тяня!», и она кубарем слетела вниз по лестнице.

– Дедушка?.. Да... Да...

За ней с лестницы спустился Гуталин в одних трусах и с мрачным видом присел на нижней ступеньке. Я выкатил ногой из-под столика пистолет, и прижал его к полу каблуком.

– Сейчас сюда приедут менты, ты оденься, – тот кивнул, но остался сидеть. – Тебе, Гуталин, придется объяснить им, зачем ты держал Таню.

– Я не держал.

– Брал от них деньги – значит, держал. Этот сядет за то, что ствол на меня наставил. А ты – за помощь. Ты ее уговорил сюда зарыться?

– Она взрослая.

– И она деньги у них брала за это?

– Нет.

– Знаешь, зачем она была им нужна?

– Не мое дело!

– Дерьмо ты или просто дурак? А ей есть дело?

– Не знаю, спроси. Слушай, ты – свидетель, – я не держал ее, не вязал, подтверди.

– Кровь идет, нет? – я отвернулся от Гуталина к раненому. Он мотнул головой с закрытыми глазами. – Терпи, скоро приедут. Что ж твой друг убежал, тебя бросил? Как его звать-то? Знакомая рожа...

Тот не удостоил меня ответом. Медленно тянутся минуты в такой компании, долго менты и врачи добираются в дачную местность. Наконец, зарычали на улице моторы: передвижная группа прибыла на двух машинах. В окно я с интересом наблюдал, как они опасливо, но грамотно проникали на объект. Распахнулась входная дверь и первыми показались два ствола.

Услыхав шум, вышла на лестницу Таня, со школьным рюкзачком за спиной, и сразу испуганно остановилась. Но собираться теперь нам было рано. Начинался муторный час допросов и протоколов.

Аню посадили в плетеное кресло рядом со мной, она отвечала неохотно, невпопад, подолгу молчала – но все это было объяснимо. Всю вину она взяла на себя: никто ее не похищал, свободы не лишал, они просто жили вдвоем на чужой даче. Гуталин только поддакивал. Бандит, перевязанный и бледный, или молчал или ничего не знал или не видал. Словом, если бы не "Макаров" с его отпечатками пальцев и не заведенное дело по розыску пропавшей, то самым виноватым тут оказался бы я, потому что именно я пустил на этой даче кровь. К такому обороту мне было не привыкать, и не зря последние полтора часа в моем нагрудном кармане привычно работал диктофон.

С особым интересом лейтенант рассматривал мой нож – я его так и оставил окровавленным.

– У вас есть разрешение на холодное оружие?

Я вынул из бумажника сложенный, протертый по сгибам листок. Это была ксерокопия очередной нашей законодательной глупости или лени. На бумаге имелось изображение моего ножа и значилось среди прочего «нож хозяйственно-бытового назначения». По нашим законам, нож может быть любого убийственного размера, но только если у него выступ, разделяющий лезвие от рукояти не превышает полсантиметра. Мои ножи вообще не имели никакого выступа, а то, что они были только для полета, догадывался не каждый. В подтверждение, что нож этот «бытовой», в магазинах, где их продают, охотно выдают копию государственной экспертизы, с печатью.

Мент равнодушно просмотрел мою «ксиву» и вернул.

"Макаров" он поднял с пола как-то обыденно, без интереса, и бросил его в полиэтиленовый мешок.

– Лейтенант, мне надо отвести ее домой, – сказал я. – Что у вас еще ко мне?

– Пока все. Вызовем.

– Ее друг, похоже, ни причем.

– Разберемся. Укатывайте.

Я взял Таню за руку, и она послушно пошла. Она проходила мимо Гуталина, сидевшего с опущенной головой на ступеньке, и молча провела рукой по его черным взъерошенным волосам. Тот вздрогнул, поднял на нее глаза и виновато улыбнулся.

Я тоже нагнулся к его уху:

– Ложись пока в больницу, а то затаскают. Там отлежишься.

– Какую? – он оторопело на меня посмотрел.

– Наркологическую, остолоп. На Варшавке, отсюда недалеко.

Мы с Таней вышли на улицу к моему мотоциклу. Я отдал ей свой шлем и затянул ремешок под подбородком. Она слишком послушно и вяло все это проделала, и мне это не понравилось. У такой молодой девчонки никогда не знаешь, что в голове, или в сердце, или где это у них бывает. Сбежать теперь от меня – она вряд ли хотела. Но взять, да намеренно брякнуться с мотоцикла в таком состоянии – это запросто. Поэтому я внимательно посмотрел на ее хорошенькое грустное личико в громадном, не по размеру, шлеме и погрозил ей пальцем:

– Крепче держись, обхвати меня сзади руками. Упадешь – не на дорогу, а под колеса грузовиков или встречных машин. Размажут. Если умрешь сразу – считай, повезло. А если нет- всю жизнь в каталке и в мокрой постели, и никому не нужна будешь. – Она с ужасом на меня посмотрела, поэтому я улыбнулся. – Ладно, шутка.

Мы небыстро катили по свободным воскресным дорогам, я поглядывал на безоблачное небо и раздумывал, когда бы мне скорее теперь тронуться в отпуск, работа была сделана. Мне очень хотелось, правда, задать Танечке несколько вопросов, и вообще не все было для меня ясно в этом деле, но на мотоцикле это сделать было невозможно, а встретить ее когда-нибудь еще я не планировал.

Ее дед встречал нас у шлагбаума охраны. Завидев нас, он вскочил с табурета, который ему вынесли охранники. Затем последовала трогательная сценка встречи внучки с дедом, – я отвернулся, чтобы не стоять дураком, и начал разворачиваться. Но еще бы надо было прояснить насчет оплаты, – ведь и деда я видеть не рассчитывал.

– Ты, Николай, куда это! Ну-ка давай к нам! Посидим, закусим! – теперь стало особенно заметно, что за последние два часа он успел крепко выпить.

Перекусить, действительно, я бы не отказался, последний раз я ел почти сутки назад. И без возражений я медленно двинулся по аккуратной, обсаженной цветами дорожке позади трогательной парочки.

На крыльце, за дверью не зло, но очень внушительно, ухал собачий лай, и женский голос неуверенно командовал:

– Назад, Смерш, свои!

– Смершик, милый! – Таня рванулась вперед и распахнула дверь. Громадная овчарка визгнула и забросила лапы ей на плечи.

– Уведи его, Алла! – крикнул Сафонов, – Привяжи на веранде. И встречай нашу бродяжку.

Я сразу узнал – это был ее чарующий голос по телефону. Сама же она была еще восхитительней: брюнетка с пышной фигурой, не старше двадцати пяти. Она с трудом оттаскивала громадного пса за ошейник, и в этой суматохе только мельком скользнула по мне взглядом. И даже Таню она приветствовала, только махнув ей ладошкой.

– Проходи, Коля, садись, сейчас все организуем. Таня, посидишь с нами?

Таня покачала головой и молча направилась к лестнице. Появилась горничная, получила от хозяина указания и скрылась. Подошла Алла и тихо присела на диван.

– Ну, рассказывай, откуда ее привез, – хозяин достал из шкафа бутылку виски, плеснул в стакан и залпом выпил. Горничная принесла несколько блюд и беззвучно расставила на столике.

– Выпьешь? Нет, тебе нельзя. Ты поешь, поешь.

Не торопясь, управляясь с отменной едой, я вкратце описал утренние приключения. И закончил:

– А мордоворота, что сбежал, – я видел вчера в офисе вашего знакомого. Делайте выводы сами... – Я вытер салфеткой губы и поблагодарил за угощение.

Я ожидал от него более живой реакции, но не дождался. Софронов воспринял это легко, с улыбочкой, если вообще воспринял, или даже услышал. Было ясно, ему теперь все до лампочки. Он только в конце спохватился:

– Ах да, деньги вам... – он шатко направился к лестнице и вверх по ступенькам.

Я взглянул на Аллу, – она не проронила до сих пор ни слова. Теперь она скромно улыбнулась мне.

– Мы все так за нее беспокоились.

– Но, слава богу, все хорошо кончилось. Поглядывайте за ней.

– Она у нас самостоятельная.

– Слишком.

С лестницы спустился хозяин, в одной его руке была пачка денег, во второй ключи, – их не спутаешь, от сейфа.

– Вот тебе... как мы договаривались, и еще премия, бери, бери, заслужил. Посиди еще чуток, чайку выпей с тортиком. И о себе расскажи. Воевал небось – шрам на щеке.

– Приходилось.

– Афган, Чечня?

– То самое.

– Солдатиком? Горел?

– И горел.

– Поздно я тебя встретил, я бы тебя замом по охране поставил. Эх, все поздно. Еще одна просьба, не откажи мне, в дружбу, во вторник подойди на завод. Подписывать бумаги мы будем, продаем все, сам слышал. Деньги наличные, целый мешок, и все такое, свой бы человек не помешал рядом. Уважь.

– Что делать надо?

– Да ничего. Постоишь, поглядишь. Рубашечку белую только одень и галстучек. Чокнемся шампанским, и гори все огнем, отработал я свое.

– Хорошо, приду. – Я взялся за торт. Я терял от отпуска еще пару дней, но я бы прояснил кое-что для себя. Да и деньги... – Сразу в ваш кабинет?

– Позвони сначала. Потришь там рядом да вокруг, может, заметишь подозрительное что.

– Задание не ясно, но приду. – Я встал из-за стола и поблагодарил.

– А ты, Коля, знаешь? – вчера опять без мордобоя не обошлось. Устал я от всего... Нашли на улице работягу нашего, недалеко от завода, – сначала думали пьяный, – ан нет, живого места на нем не осталось. На собрании тоже был... В больнице теперь.

– Кто?

– Один из недовольных... да ты с ним рядом в зале сидел. Уволенный. Скандалист. За что били – сам догадайся.

Софронов плеснул себе еще из бутылки и резко опрокинул граненый стакан. Громко выдохнул, и невесело мне улыбнулся. Таким он мне навсегда и запомнился. Больше его живым я не видел.

На обратной дороге я остановился на обочине и позвонил в справочную скорой помощи. Фамилию этого Сереги я сумел-таки вспомнить – ее называл из списка председатель собрания. Серега лежал в Первой Градской, в отделении челюстно-лицевой хирургии. В справочной мне ответили: "Операцию перенес хорошо, состояние удовлетворительное, посещения пока запрещены".

8. Убийство

Во вторник утром я подкатил к заводскому забору и приковал мотоцикл к знакомой ржавой петле. Из проходной позвонил Софронову и услышал его недовольный голос:

– Ничего пока не делай. Походи по этажу, погуляй. Занят я, – и он повесил трубку.

Я шел по заводской территории и оглядывал унылые виды. С насыпей песка и щебня ветерок срывал пыль и кружил ее по асфальту. Громоздкая техника, застывшая в последних трудовых усилиях, и безлюдье – все это напоминало какой-то "конец света" или последний день динозавров. Возможно, все было естественно: начало, конец, и снова какое-нибудь начало, не всегда понятное для нас и доброе. Чтобы сломалось и умерло старое, в природе есть хищники, коршуны, всякие падальщики. В людских делах – то же самое, те же персонажи. Сейчас они собрались на третьем этаже заводоуправления, теснясь вокруг полумертвой жертвы, когтями подтаскивая себе кусок пожирнее.

В просторном конференц-зале накрыт праздничный стол, и нарядные девушки весело порхают вокруг него, готовят фуршет. Вдоль окон стоят и вежливо скучают приглашенные, – но то были приглашенные второго круга, не самые важные. Я зашел и постоял тут, наблюдая с минуту, как девушки с милыми улыбками наводили последний лоск, изредка юркая в небольшую дверь. Там была какая-то подсобка, откуда и появлялась на свет вся эта съестная роскошь. Постоял я у окна, поглядел на унылый заводской двор, почувствовав себя здесь без дела полным дураком, вышел обратно в коридор. Напротив – дверь с табличкой "Главный юрист". Плотнo закрыта, но оттуда слышен возбужденный говор и шуршание бумаг. Прошел мимо наглухо закрытых и знакомых мне дверей директорского кабинета и встал в торце коридора, у окна. Через минуту хлопок дверей за моей спиной – от директора выскочил Портной, и, не обернувшись, не заметив на меня, скрылся за дверью юриста.

На часах было без девяти минут час. Вокруг было очень тихо, но по всему чувствовалась неуловимая напряженность. Потом мне пришлось поминутно вспоминать эти события, – где я был, и что делал, – и все это записывал в своих показаниях.

Прогулочной, вальяжной походкой я вернулся обратно к охранникам, и те настороженно понаблюдали за мной. Здесь я повернулся и медленно пошел обратно. За моей спиной из директорского кабинета кто-то еще вышел и сразу скрылся в другой двери. У окна, в конце коридора, я толкнул дверь туалета и вошел в него. Когда едешь на мотоцикле в городе, даже в хорошую погоду пыль оказывается повсюду, где лицо не укрыто шлемом или стеклом. Щеки, подбородок, становятся, если и не серые, то всегда ощутимо грязные, их всегда хочется тщательно вымыть с мылом. Этим я и занялся в последние до события минуты, памятуя о торжественности предстоящего события, и для чего я надел свежую рубашку и галстук. Но мыл я лицо поспешно, – залил водой рубашку, пришлось ее снимать и держать минуты две над сушилкой.

Я вышел из туалета, когда на моих часах было уже без трех минут, и я сразу прошел в зал. Здесь было уже людно. Стол блистал, но девушки умели находить в нем что-то еще незаконченное, или, может быть, им просто не хотелось возвращаться обратно к скучным бумагам. Приглашенные так же молча кучковались вдоль окон. Почти всех я уже где-то видел: теперь тут собрался весь субботний президиум, все замы, юрист, знакомая мне компания Портного, и сам он стоял тут же. Не было только хозяина – директора. Я прошелся по залу, избегая контакта глазами и необходимости кому-нибудь кивать или улыбаться. Для них я был здесь никто, нижний чин, охранник. Один только Портной понаблюдал за мной темными холодными глазами.

Минутная стрелка часов над столом постояла-постояла вертикально и шагнула рывком на сторону следующего часа, и тогда я не выдержал. В зале я еще сдерживал шаг, но в коридоре побежал, и спиной почувствовал взгляды охранников. Распахнул директорскую дверь –

в приемной никого. Взял на себя тяжелую обитую дверь, за ней неглубокий темный тамбур, и еще одна обитая ватой глухая дверь. Стукнул кулаком в деревянный косяк и прислушался: ни звука в ответ. Стукнул еще два раза, сильнее, и, не услышав ничего, с громким "Можно?" толкнул со всей силы дверь вовнутрь.

Софронов сидел за своим письменным столом, склонив голову на грудь, и первым мне бросился в глаза широкий красный галстук, от шеи вниз, спадающий поверх белоснежной рубашки.

– Иван Петрович! – прыжками я пересек длинный кабинет и нагнулся над столом. Кровавый галстук, тускло поблескивая, менял оттенок от светло розового у горла до вишневого на животе.

Я схватил его запястье, чтобы прощупать пульс, но и так все было ясно: директор был мертв. Сизая бледность уже медленно занималась на полных щеках, захватывая розовый, в красных прожилках нос. Его горло было перерезано, и всего-то пять-десять минут назад. Края надреза широко расходились под самые уши. Так можно было раскроить, только откинув голову назад за волосы и полоснув натянутую шею.

Сейф был распахнут. Освещенные солнцем, как и в четверг, белели стопки бумаг, но сверху ничего сегодня не блестело: никелированного револьвера в сейфе не было. Я быстро, но внимательно оглядел кабинет и письменный стол. Никаких следов борьбы, все было аккуратно прибрано, идеальный порядок. Только дверь за спиной директора, в комнату отдыха с душем, была сейчас чуть приоткрыта.

Он мог еще быть там, убийца с ножом, или даже с никелированным револьвером в руке. И поэтому я выхватил из-под рукава рубашки свой нож. Резко пихнул вовнутрь эту дверь и осторожно заглянул: небольшая уютная комнатка, диван, столик, и сбоку еще дверь. Вторую дверь я распахнул ударом сапога, и отступил, страхуясь. Никого. Две пустые душевые кабинки, сухой пол и кафель. Неожиданно было увидеть за ними еще дверь: значит, этой душевой пользовались из двух кабинетов. Я кинулся в ту дверь – она легко распахнулась, и в нос ударили запахи праздничного стола: то была подсобка, и следующая дверь вела из нее в праздничный зал. Пол и столик здесь были завалены картонками и упаковками от снеди, выставленной сейчас на столе в зале. Из сумеречного угла мрачно поглядывал гипсовый бюст Владимира Ильича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.